

Палата на солнечной стороне. Новые байки добрых психиатров

Автор:

[Максим Малявин](#)

Палата на солнечной стороне. Новые байки добрых психиатров

Максим Иванович Малявин

Одобрено Рунетом

Это книга рассказов из психиатрической практики. Настоящих, без купюр и врачебного канцелярита. Можете не волноваться о сохранности врачебной тайны: в приведенных ниже историях изменены имена и ряд деталей, поэтому они никого не выдадут. Зато приоткроют завесу тайны, которой укрыта наша профессия. Вот увидите: к концу повествования психиатрия станет вам ближе и роднее.

Максим Малявин

Палата на солнечной стороне

© Максим Малявин, текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Это четвертая книга рассказов из психиатрической практики. Настоящих, без купюр и врачебного канцелярита. Можете не волноваться о сохранности врачебной тайны: в приведенных ниже историях изменены имена и ряд деталей, поэтому они никого не выдадут. Зато приоткроют завесу тайны, которой укрыта наша профессия. Вот увидите: к концу повествования психиатрия станет вам

ближе и роднее. Если честно, я вообще думал ограничиться тремя книгами, но интересные истории продолжали копиться, а читатели настаивали на продолжении банкета. Кстати, отдельный низкий поклон одному из них, Михаилу, за материал для целой серии рассказов о психиатрии Санкт-Петербурга.

Максим Малявин

Подарок доктору: чертеж личного финансового счастья

Не устаю повторять, что наши пациенты – в массе своей милые, душевные люди. И когда человек, не знакомый с психиатрией вплотную, спрашивает – мол, как же вы не боитесь с ними работать и постоянно общаться? – я отвечаю, что вот как раз с ними если проблемы и возникают, то они ожидаемые. Зато невозможно угадать, что способен отчебучить среднестатистический здоровый человек. А наши... да они просто лапушки!

Была тут на приеме у Оксаны Владимировны (кто еще не знаком – прошу любить и жаловать: психиатр и по совместительству моя жена и литературный критик) женщина. Приходила после очередной комиссии для продления инвалидности. Доктор постаралась усилить ей группу, что, с учетом параноидной настроенности членов комиссии, усугубленной хроническим синдромом вахтера и общим впечатлением, будто пенсию инвалидам они платят из своего кармана и словно от души эти деньги отрывают, было непростым квестом.

Но все же удалось перевести с третьей на вторую. Хотя тут бы, по-хорошему, и первая подошла, но кто же ее даст! Критериев, говорят, недостаточно... Просто представьте человека, с которым даже вне обострения его болезни (а оно приключается не реже раза в год и длится не меньше пары-тройки месяцев) даже поговорить-то сложно.

Почему? Да потому, что на первый же вопрос о том, как дела, она ответит не сразу, а выдержит паузу минуты в две, а то и три. Поскольку сначала нужно выстроить внутренний диалог с голосами – где-то посоветоваться, кому-то

предложить заткнуться, кого-то урезонить – мол, ну уж таких-то подробностей доктору не надо сообщать. Потом, вторым этапом, необходимо протестировать, как предполагаемый ответ сочетается с собственной системой... – доктор называет ее бредовой, но это вовсе не исключает вероятности его невольного сотрудничества с органами всемирного контроля, а им некоторые моменты знать совсем необязательно, иначе могут воспоследовать санкции не только для нее самой, но и для страны в целом. Третьим этапом нужно вспомнить, как люди со складом психики, подобным докторскому, обычно реагируют на заготовленный ответ, чтобы и не обидеть человека, и не насторожить его профессионально. Потом неплохо бы предугадать варианты следующего вопроса и хотя бы в общих чертах продумать варианты ответа, чтобы удержать беседу в нужном русле. Потом... в общем, вы поняли, что человек замолчал не просто так? А ведь это был только первый вопрос.

Короче говоря, женщина пришла сказать большое человеческое спасибо за то, что теперь она будет получать пенсию чуть больше. И она действительно была искренне благодарна, пусть и прокладывала общий курс беседы осторожнее, чем подводная лодка в заминированных шхерах. Но под конец разговора все-таки решилась.

– Это вам, доктор. – По столу скользнул листок формата А4.

– Что это? – спросила Оксана Владимировна, разглядывая рисунок, очень похожий на детсадовское творчество.

– Это... ну вы понимаете, что это только для вас? – после стандартной двухминутной паузы полушепотом уточнила пациентка. – Это чертеж «Теслы». С уточнениями и доработками.

На рисунке действительно был изображен автомобиль. В профиль. Ну вы знаете, как обычно рисуют дети: узнаваемые очертания кузова, два колеса. В общем, крайне концептуальная модель. Внизу, чтобы даже такому распоследнему гуманитария, как доктор, было понятно, мелким-мелким почерком написано «Тесла». А над машиной и по сторонам от нее – несколько кружочков с какими-то значками внутри.

– Да, это уточнения и исправления. Вы разберетесь, – поймав взгляд, пояснила женщина. – Вы мне очень помогли. И я не хочу, чтобы вы в чем-то нуждались в

этой жизни. Тут, если правильно подать патентные заявки, – миллионы. Даже миллиарды. Не благодарите. Всего доброго.

Предваряя ваши просьбы, скажу сразу: рисунок не покажем. Вы же понимаете, что делиться таким сокровищем нельзя. А ну как мировой финансовый кризис углубится? А у нас тут такая золотая страховка. Придержим на черный день.

Всему вас надо учить!

Вот еще одна история, написанная по мотивам воспоминаний моего постоянного читателя Михаила. Егор (назовем его так) попал в это отделение уже третий раз. И снова мания подвела, а поскольку маньяк он оказался не особо-то сексуальный – так, взор горящий, да мысли табуном, да еще набравший пугающие обороты внутренний стержень с заостренным каудальным концом, – то и отправили его не в какую-нибудь спецбольницу, а куда обычно.

Да, уже обычно, усмехнулся он про себя: третий раз – это уже система. Можно даже тихонечко гордиться: третий маниакальный эпизод – и опять осенью. Ну чисто Пушкин. Если бы еще и рифмы умел плести такие же красивые... Впрочем, кому они сейчас интересны, эти рифмы. Народ сейчас все больше по пирожкам. Так что, может быть, и к лучшему, что не Пушкин. Опять же, не пристрелят. А что отделение – так это уже привычное отделение. Жить можно.

Жаль только, с этого года порядок новый ввели. На взгляд Егора, и не его одного, к слову – дурацкий совершенно. Чай запретили. Нет, на завтрак, обед и ужин – это пожалуйста, а так, чтобы в другое время заварить, да нормальный, а не тот гомеопатический, что в столовой, – это ни-ни. Каркаде там или иван-чай – это запросто, можно на пост за кипяточком сходить. А нормальный – увы. Поговаривают, что кто-то из хронических чифирить начал злостно – вот и прикрыли лавочку. И это было печально, поскольку чем еще себя тут развлечь, кроме чая и сигарет? Да почитай что и нечем. Не телевизор же смотреть. Шашки-шахматы? Без чая? В общем, было приличное отделение, а стал какой-то дурдом.

Впрочем, как шепнули знающие люди, заварку добыть все-таки можно. Ведь после отбоя что начинается? Нет, у кого сон, у кого бессонница – это понятно. А еще – уборка помещений. В туалете там полы протереть, коридор прошуршать. Думаете, санитарочкам охота лишний раз тряпкой махать? То-то. А просто взять и заставить кого-то из больных – нет, шалишь, не те времена. Только полюбовно, только по согласию. А значит – готовь сигареты или какие другие вкусняшки. Вот тут-то чай и пошел на ура. Вернее, заварка.

И тут же всплыла еще одна проблема. Вот, положим, дали тебе эту самую заварку – а дальше-то что? На пост идти за кипяточком? Так тебя немедля и спялят. Заваривать-то надо при них, на месте. Припрятать до утра? Так ведь утром будет шмон по распорядку, и заварку найдут. Да еще удивятся так делано и пальчиком игриво погрозят – ах, мол, шалун какой и откуда только взял?

– Молодежь! – фыркнул дядя Сема, сосед по палате из бывалых и тертых. – В армии, конечно, не служил, так?

– Так, – развел Егор руками. – На втором курсе первое обострение скрутило.

– Оно и видно, – понимающе покивал старожил. – Ладно, с тебя заварка, с меня ноу-хау.

Помыв полы после отбоя и получив на руки заветную пачку, Егор отыскал дядю Сему. Тот достал из какого-то закутка подсобки стеклянную банку, обрывок двужильного провода, пару крышек от растворимого кофе, несколько горелых спичек и катушку ниток.

– Провод, – ответил на немой вопрос дядя Сема, – самая большая проблема. Но тоже решаемая – даже не выходя из отделения. Тут и надо-то полметра, не больше. Смотри, студент.

Согнув крышки пополам так, чтобы получился полумесяц, и так, чтобы каждая крышка зажимала по одной жиле провода, он проложил между этими полумесяцами частокол спичек и обмотал конструкцию нитками, чтобы не распалась.

– Все, кипяtilьник готов. – Дядя Сема погрузил конструкцию в банку с водой. – Тут теперь главное, чтобы сеть была посильнее и пробки не выбило.

В банке загудело, вода пошла пузырьками и вскоре закипела.

– Вот так, Егорка. – Жмурясь от удовольствия, ветеран дурдома сделал глоток. – Провод, изолятор, нитки для крепежа и два куска металла, желательно плоских. В армии, помню, подковки для сапог приспособляли. А вообще много чего пойдет, лишь бы фантазия работала. Можно вилку или ложку алюминиевую поломать, можно две целые использовать, можно два лезвия от бритвы... хотя да, их тут не найти. Можно две пятирублевые монетки взять, но с ними хуже: провода плохо крепить и пробки чаще вылетают. Но основную мысль ты уловил, верно?

– Верно, – восторженно прошептал Егор. – Это же так просто!

– А то! – подбоченился дядя Сема. – Но из вас, детей Интернета, почему-то мало кто до этого доходит. Всему-то вас надо учить!

Мученик за веру

Вопрос веры у нас в стране сложен и неоднозначен. С одной стороны, лет семьдесят ушло на попытку сформировать атеистическое мировоззрение советского гражданина, а это все же больше, чем одно поколение. С другой стороны, и в бытность Союза этот номер не со всеми прошел, а потом страну вдруг настигло похмелье всеобщего покаяния, и разница между количеством храмов и количеством отделений Сбербанка стала понемногу сокращаться. Лидерство, правда, прочно удерживают пивные, но тут и Сбербанку сложно конкурировать.

А вот с самой верой, размышлял Геннадий, прификсированный к больничной койке пятью метрами фланелевых вязок, у народа туго. Дефицит, потому и не все успели себе урвать, когда была раздача. Настоящая вера – она ведь не за страх, а... в общем, с нею надо родиться.

Ведь даже самый распоследний римский солдат, при всей прагматичности своего подхода к вере, не просто предполагал – он твердо знал, что боги есть. Поэтому надо что-то отстегнуть, чтобы что-то взамен получить. Примитивно? Может быть, зато искренне. И как-то без ненужного самоуничижения, что ли. Мол, вот тебе, уважаемый Юпитер, эта жертва, а ты мне взамен, пожалуйста... далее пункты из вишлиста.

Уважит просьбу небожитель – почет ему и слава; можноobelisk в честь этого заказать, или что там в таких случаях полагается, чтобы свершившуюся сделку в веках запечатлеть. А если прокатит – можно ведь на томobeliskе и претензию высечь: мол, жертвовал я то-то и то-то, взамен получил canis penis, и фиг вы от меня чего дождетесь впредь, божественные. Наивно? Зато честно.

А сейчас что? Геннадий поморщился и подергал вязки: крепко прикрутили. Сейчас веруют в большинстве своем как раз за страх. И от недостатка достоверной информации. Ведь, как сказал один эмбрион своему близнецу, дискутируя о жизни после родов, оттуда еще никто не возвращался. Поэтому как знать: вдруг там, за последней чертой, что-то все же есть? Может неловко получиться. Вот и стараются заранее озаботиться билетиком в рай, хотя бы на галерку, если уж в партере все занято. Ну и для мирских своих дел крышу ищут: то там свечку поставят, то тут к святому обратятся.

А самое главное – что отдают-то? Чем жертвуют? Молитву читают? Те же свечи покупают и зажигают? Да разве это жертва? А потом удивляются, что их не слышат и навстречу не идут. Уж если хочешь что-то получить, то и отдавать надо не по-детски. Вот как сам Геннадий, к примеру.

Нет, голубей и баранов он на алтаре не резал: не принимает Господь таких жертв. И его можно понять: это как с криком «Да здравствует Буркина-Фасо!» выкинуть с падающего дирижабля зазевавшегося негра, чтобы замедлить снижение. Не наш метод. Тут надо жертвовать чем-то своим. Болью, например. Комфортом. Так, чтобы ух!

Потребность такой жертвы Геннадий ощущал обычно раз в год. Или два. Или когда прекращал пить лекарства. Откуда-то и настроение нужное бралось, и силы на поступок. И привычная – ложная, к слову – скромность куда-то стыдливо пряталась. И тогда Геннадий шел в музей. Обычно в тот, где его еще не знали, пусть год от года этот список и сокращался. В музее он с целеустремленностью Чебаркульского метеорита устремлялся к старинным иконам – и принимался

страстно их лобызать.

Он давно заметил: в церкви на такое реагируют, но как-то иначе. Тут же, в музее, сценарий был накатанным: прибегала охрана, Гену хватали под белые руки и пытались разлучить с иконой, он рвался запечатлеть последний поцелуй, с охранников стремительно сходил и без того тонкий налет цивилизованности – и начиналась драка. Геннадия уже традиционно прилетало больше и сильнее, да он особо и не уворачивался, но и в долгу не оставался. Потом приезжала полиция, за ней, после короткой беседы, – спецбригада, и в итоге побитый, но довольный Гена оказывался в наблюдательной палате, привычно прификсированным к койке. Ссадины и синяки побаливали, зато душа пела: очередной сеанс мученичества за веру прошел успешно!

– Геннадий Витальевич, вы никак снова изволили в музей барагозить? – спросил доктор на утреннем обходе.

– Ну что вы, доктор! – улыбнулся Геннадий. – Не барагозил, а страдал за веру.

– Чем же вам бедный музей так не угодил? – поинтересовался доктор. – Сходили бы, что ли, к оппонентам. В мечеть какую. Или синагогу.

– Доктор, – проникновенно ответил Гена, – я, конечно, сумасшедший. Даже буйный. Но, черт меня дери, я биполярник, а не имбецил!

Театр одного актера. И одного зрителя

Телевизор – важный объект любого отделения в любой психиатрической больнице. Можно сказать, стратегический. Потому и охраняется особо. Где-то его вешают под потолок, где-то помещают в подходящую по размеру или же самодельную тумбу с дверцами, которые закрываются на навесной замок и открываются только на время просмотра, а кое-где телевизор, подобно опасному дикому зверю, томится в сваренной из арматуры клетке.

Пульт же, как правило, находится у санитаров. Чтобы зрелища и, соответственно, сборища были строго дозированы. А то ведь телевидение – оно такое, даже на не охваченную нашим вниманием и заботой публику действует мозголомно, а уж на скорбных главою и подавно. Но без него тоже никак: пациент, страдаемый информационным голодом, подобен курильщику, у которого закончился табачок. Только у второго пухнут всего лишь уши, а у первого – тот ганглий, что между ними расположен.

Иннокентий, впрочем, к таким коллективным просмотрам относился с изрядной прохладцей. Мол, зелен виноград. Во-первых, количество сидячих мест около зомбоящика всегда оказывалось ровно на одного Иннокентия меньше. Во-вторых, электорат с завидным упорством смотрел или «РЕН ТВ», или каких-нибудь «Ворониных», что для Иннокентия было моветоном, возведенным в степень табу, ибо он предпочитал опасаться дурдома в себе, а не себя в дурдоме. А в-третьих...

В-третьих, на этот раз случился Александр. Некогда он блистал (во всяком случае, Александр утверждал сие без тени сомнения) на сцене областного театра, но вы же понимаете, мон шер Кеша: профессиональная актерская вредность... *Comprenez-vous, mon ami?* [1 - Понимаете, друг мой? (Фр.)] Гастроли, нервы, расшатанные репетициями, приходится лечиться народными средствами, да и народ эти средства сам тебе несет – это же никакой печени не хватит. Вот и стала память сдавать. Теперь вот, сами видите, н-да. Вот уже лет семь тому как.

Говорят, что настоящее мастерство не пропьешь. Иннокентий убедился в этом лично, несмотря на то, что Александр когда-то честно пытался победить эту народную мудрость. Да, где-то раз в два-три дня Александр норовил представиться Кеше заново, напроць забывая, кто этот милый молодой человек. Да, из всего репертуара помнил он лишь пару сценок. Но как выступал! Какая экспрессия, какой артист! Глаза горят огнем, куда-то уходят шаткость походки и тремор рук, дребезжащий голос наливается силой и приобретает бархатные нотки – ну чистый лев! Пусть побитый молью, пусть в клетке – но лев же.

В общем, пока все отделение заморожено паялилось в ящик, Иннокентий вкушал настоящую духовную пищу, а не этот коллективный доширак. Ему отчаянно льстило, что представление давалось для него одного. Был бы параноиком – давно бы кристаллизовалась идея о собственной богоизбранности и особой миссии. Александр же просто млел от такого внимания и искреннего восхищения – и на следующий день снова шел знакомиться и ненавязчиво (во всяком случае,

так ему казалось) предлагал показать истинное театральное искусство.

Десятиночку, пожалуйста!

Так уж повелось, что с начала девяностых церковь обратила свое внимание и на скорбную главою паству. Вернее, священнослужителей стали охотнее пускать в наши заведения с суровым оллинклюзивом. А к нулевым уже и перестали удивляться батюшке, степенно шествующему по коридорам психиатрической больницы.

В отделение, где обычно коротал свои ежегодные осенние обострения Павел, батюшка наведывался не сказать чтобы часто, но регулярно. И ожидаемо собирал приличную аудиторию – причем даже из тех, кто в иные времена и не вспомнил бы о спасении своей больной души.

Когда настало время очередного визита и батюшке понадобился помощник, Паша не стал прятаться за чужими спинами: в конце концов, надо же чем-то себя занять, а тут такой случай. Получив на руки миро и кисточку вместе с поручением миропомазать болящих, пока священник навестит другое отделение, Паша понял: вот он, шанс. Никто не уйдет непомазанным. Можете не прятаться, у мальчика феноменальная память. А главное – есть ненулевая возможность поиметь профит.

Самообразованию Паша уделял немало времени. И само по себе интересно, и в соцсетях всегда есть шанс высказать особое мнение. И когда ему, держащему в руках миро и кисть, припомнилась церковная десятина, ближайшее будущее заиграло новыми красками. Преимущественно светлыми и яркими.

Поскольку визит батюшки, равно как и момент выбора волонтера, видели все, за исключением обитателей наблюдательной палаты, в правах Паши никто не усомнился. И когда тот двинулся по отделению с кистью наперевес, повторяя

каждому кандидату на миропомазание: «Десятиночку, плиз», – печенье, конфеты и сигареты, а местами и пакетик-другой чая не заставили себя ждать. Жизнь определенно налаживалась.

В одной из палат его дожидались с особым нетерпением, и на запрос десятиночки, прозвучавший уже с уверенно-требовательными нотками (опыт, он ведь, равно как и аппетит, приходит в процессе), сначала выглянули в коридор – нет ли поблизости санитаря, – а потом гордо поделились горсткой таблеток, местами слегка замусоленных.

– Циклодол [2 - Циклодол – препарат, применяющийся для лечения паркинсонизма и коррекции побочных эффектов нейролептиков. При превышении дозы и злоупотреблении вызывает эйфорический и галлюциногенный эффект.], – доверительно шепнули ему. – Только ешь сразу, а то спалют.

Дальнейшее Паша припоминал с некоторым трудом. Было в этих воспоминаниях что-то про «помазать миром весь мир», были попытки сосчитать все проступившие на штукатурке больничных стен распятия, был созыв крестового похода – вот только бы припомнить, на кого идти собирались и за что. И, вишенкой на торте, полет шмеля. Того, что на душистый хмель, потом на забродивший виноград, а потом, заслышав полет валькирий из процедурного кабинета, – прочь, продираясь сквозь внезапно загустевший воздух коридора, коварно петляющего и извивающегося гигантской змеей.

– Судя по ощущениям пониже спины, валькирии из процедурного меня все-таки догнали, – доверительно пожаловался Паша соседу по наблюдательной палате. – Вот только не пойму: откуда этот парфюмерный привкус во рту?

– Так ты же перед поимкой все миро выпил, – охотно пояснил сосед по палате – тот самый, что делился циклодолом. – Кричал что-то про «быть у воды и не напиться» и внутреннюю святость.

– Ну в целом – логично, – признал Паша. Потом, прислушавшись к своим ощущениям, забеспокоился: – Там, на посту, есть кто-нибудь? Надо бы сообщить, что я, кажется, вот-вот... как бы поделикатнее сказать... замироточу!

Позовите участкового экзорциста!

Сделаю небольшую преамбулу. Эту историю, как и еще несколько, рассказал мне Михаил, мой постоянный читатель. Поэтому не удивляйтесь тому, что действие происходит в городе на Неве.

Человек может сколько угодно считать себя уникальным индивидом и мечтать об отдельно стоящем маяке, смотрителем которого он с удовольствием бы работал, – желательно где-нибудь на берегу теплого моря.

На практике же с завидным постоянством выходит, что стоит появиться массе свободного времени – и изрядная часть уникалов и индивидуалистов начинает испытывать вначале смутную, а чем далее – тем более отчетливую потребность скучковаться по интересам. В онлайн ли группах, посещая ли какие-то собрания или кружки – неважно. Важно, чтобы чувствовать, что конкретно взятый он, естественно, весь в плаще, шпаге и с пером, но тренд выбран верно.

Оттого и неудивительно, что возникшие в последние годы группы поддержки пациентов-биполярников (как правило, созданные наиболее активными пациентами-биполярниками и чаще всего в период перехода их состояния от интермиссии к легкой мании) стали довольно популярны. Ну где еще расскажешь народу о том, как именно тебя в последний (предпоследний, или вот, как сейчас помню, было лет этак пяток назад...) раз накрыло, – и встретишь полнейшее понимание с кучей похожих воспоминаний? И никакого отторжения, никакой опаски и поисков предлога, чтобы тихо улизнуть от задушевной беседы.

Тут главное, чтобы в группу не затесался какой-нибудь психиатр. Или наивно считающий себя здоровым недообследованный. Но, как показала практика, все подобные опасения напрасны: психиатры неприлично любопытны и дотошны лишь в рабочее время, а недообследованных на такие посиделки и буксиром не затащишь: видимо, боятся проникнуться, подцепить какой-нибудь маниакальный вирус. Или, что хуже, депрессивную бациллу.

Леша и Боря, они же Лелик и Болик, как их с ходу окрестили в группе, с большим энтузиазмом откликнулись на весть об очередном собрании. Ну сами посудите: чем еще заняться, когда по инвалидности платят невеликие, но все же деньги и времени в распоряжении вагон? К моменту, когда новообразованная группа поддержки биполярников стала набирать участников, Лелик и Болик уже успели стать продвинутыми религиоведами-сектологами. То есть в течение целого ряда лет они исправно посещали собрания всяких разных (и, надо признать, многочисленных в Северной Пальмире) мормонов, кришнаитов, сикхов, бахаи, протестантов различного толка... да разве всех упомнишь? Нет, они бы с радостью предпочли всем этим сборищам годовой бесплатный абонемент в какую-нибудь кафешку – так ведь не предлагает никто, а тусоваться где-то хочется.

Среднестатистическому недообследованному, пожалуй, хватило бы и парочки конфессий, чтобы ощутить

съезд крыши вслед за подвижками тектонических плит мировоззрения. Но Лелик и Болик, имея за плечами солидный опыт госпитализаций, успели обрести мировоззренческую сейсмоустойчивость. А может быть, просто достигли некой крайней точки кровельного дрейфа, дальше которого уже некуда, и теперь просто получали наслаждение от своей способности разобраться в деталях и подвыподвертах каждого из религиозных течений. А тут – группа биполярников. Это же, знаете ли, просто праздник какой-то. Прямо пир духа. Правда, биполярником из них двоих был только Леша, но, за неимением групп поддержки для шизофреников, Боря охотно согласился изобразить нечто гипоманиакальное.

Лелик и Болик даже предложили на первом же собрании герб группы: белый медведь в обнимку с пингвином сидят, прислонившись спинами к монументальной (работы Зураба нашего Церетели, не иначе) таблетке карбоната лития [3 - Карбонат лития – препарат, оказывающий седативное и антиманиакальное действие.]. Идея прошла на ура, исполнение было отложено до момента вливания в коллектив какого-нибудь биполярного художника, а парни заработали свой стартовый социальный капитал.

На втором собрании дошло до сокровенного: участники группы стали щедро делиться симптомами. Всей их гаммой – от макабрически-депрессивных до лучезарно-маниакальных. И тут, на самом пике всеобщего сопереживания,

выступила очередная участница. И доверительно сообщила, что во время обострений ощущает себя дочерью Сатаны.

Пока аудитория взяла паузу, чтобы понять, как же отреагировать, Лелика и Болика прорвало: ну родная же тема!

– Девушка, а давайте мы, как обострение начнется, вас на собрание знакомых сатанистов отведем! Фужер... простите, фурор будет обеспечен!

И с таким чувством стали расписывать, как там все увлекательно происходит, что приглашенную аж затрясло:

– Нет! Нет! Прекратите немедленно! Я чувствую, что вы меня сейчас схватите и потащите в ад! Чувствую! А-а-а-а, уберите прочь свои грязные тентакли! – И, картинно воздев руки, упала (впрочем, тоже не без изящества и стараясь ничего себе не повредить и не попортить платья) на пол и забилась в конвульсиях.

– Нет ли среди присутствующих участкового экзорциста? – не растерялся Лелик. – Требуется экстренный обрыв родственных связей!

– Мы могли бы сами, но практики маловато, да и кружок тот давно уже прикрыли, – развел руками, обращаясь к аудитории, Болик.

Но группа лишь растерянно поглядывала друг на друга да на содрогающуюся в припадке дочь Сатаны.

– И кто пустил эту истеричку в приличный клуб? – проворчали откуда-то сзади.

Неприметная дама средних лет, продолжая ворчать, извлекла из сумочки бутылочку «Святого источника», набрала полный рот... и устроила припадочной холодный душ, хорошенько оросив той лицо. Припадок тут же закончился, сменившись поисками зеркальца и косметички.

– Реально святая водичка-то! – восхитился Лелик.

– Питьевая, – пожала плечами экзорцистка, делая глоток и пряча бутылочку обратно в сумку, – зато навык работы санитаркой в отделении неврозов, как

выясняется, никуда не делся. Да вы не шарахайтесь, – толкнула она Болика в плечо, – я не на работе. Вот уже лет семь как биполярка за меня всерьез взялась.

– Не знаю, как тебе, – признался Лелик Болику, когда группа разошлась до следующей встречи, – а мне тут нравится все больше и больше.

Не так страшны лимоны, как одуванчики

Помнится, еще в школе, касаясь темы условных рефлексов, учительница приводила пример, как поедание лимонов на первом ряду во время выступления духового оркестра может сорвать это мероприятие: поди-ка поиграй, когда полон рот рефлекторно выделившейся слюны.

Теоретически теми же лимонами можно было бы смутить и певца. Но дамы, которые пришли однажды к нам на медкомиссию, были той еще закалки. Матерые работницы культуры с мертвой хваткой массовика-затейника: хоть лимоны авоськами перед ними жуй, хоть водку стаканами пей, хоть семечки грызи, но если начальство сказал, что мероприятие должно быть проведено, – оно будет проведено, и только прямое попадание метеорита можно условно считать форс-мажором.

Нет, уверили они. Лимоны – они для трубачей страшны. Они люди утонченные, к тому же подкошенные легочной профпатологией, – их лимоном можно подбить. И то не всяких. Тех, что на похоронах играют, уже ничем не проймешь. А нас, мол, и подавно. Хотя...

– Был же случай, Зинка, – хлопнула себя ладонью по лбу жгучая брюнетка с восточными чертами лица. – Помнишь, в той дырище, куда нас засунули после... неважно, в общем, в наказание, я так понимаю?

– Как же, как же, – охотно отозвалась огненно-рыжая подруга с формами, достойными рубенсовского вдохновения и завистливых взглядов любого знающего толк в жизни индуса. – Эх, времечко было! Правда, Зуля? Молодость, сил вагон и маленькая тележка, весь мир, можно сказать, между ног...

– У ног, дурында!

Из их рассказа на два голоса я понял, что уголок, где их певческий талант подвергся серьезному испытанию, был не то чтобы забыт богом: просто он ему старался лишний раз о себе не напоминать. Мол, знаем мы такое пристальное внимание.

Ну дыра или нет, а клуб там был. И даже подготовился к встрече работников культуры. То есть всё подмели-помыли, занавески красного бархата то ли постирали, то ли от пыли отряхнули, баню заранее протопили и даже поросенка по такому случаю зарезали.

И вот концерт начался. Как водится, с народных песен. Да, тех самых, о которых еще сэр Терри Пратчетт писал в своем ведьминском цикле. Мол, есть у них такое пронзительное вступление, которое сразу предупреждает случайного слушателя о том, что тут вскоре произойдет и что еще есть время убраться подальше.

Ну местные-то жители никуда убираться не спешили – событие же. Поэтому, напротив, за первые места была даже некоторая потасовка с элементами компаративной фаллометрии и натуральных испытаний буферно-таранных характеристик бюстов (размер ниже четвертого даже не рассматривался ни всерьез, ни в упор). Но ближе всех к сцене в итоге оказалась одна бабулька – классический, эталонный, можно сказать, божий одуванчик. Села на табуреточку, разгладила складки на платье, поправила шаль... нет, обошлось без кулька семечек, но легче от этого певицам не стало, и вот почему.

Начинать веселье выпало Зинаиде, и она, вдохнув честным пятым размером, затянула было «Валенки, валенки»... но тут Одуванчик, победно воздев указующий перст, бойко завопила скороговоркой: «Ой да не подшиты, стареньки!» И так на протяжении всей песни: Зина с чувством пытается вывести строчку, Одуванчик скороговоркой добивает вторую. То же самое вышло и с «Рябиной», а потом и с «Ой, мороз-мороз». Что любопытно, зал Зинаиде явно сочувствовал, но одергивать Одуванчика даже не пытался.

– Давай что-нибудь из эстрадного, – шепнула Зульфия, видя, как Зина медленно багровеет.

Однако Одуванчик знала и Пугачеву, и Ротару, и даже «Сябров». Настала пора Зульфие спасать положение. Хитро прищурившись, она затынула что-то татарское народное, но Одуванчик тут же подхватила, все той же скороговоркой: «Умырзая чыга, умырзая калка, умырзая суза сабагын».

Посоветовавшись, Зина с Зулей (дело чести же!) напрягли память, потом напрягли сопровождавший (и тоже постоянно сбивающийся из-за Одуванчика с ритма) музыкальный коллектив – и выдали на-гора «Бессаме мучо».

На первых словах песни зал замер в ожидании... и тут Одуванчик выдала свою фирменную скороговорку: «Besame-besame-mucho-que-tengo-miedo-tenerte-y-perderte-despues!»

– Вы не сердитесь на нашу Сашу, – извинялся вечером за столом председатель. – Ну вот такая она у нас. С детства на голову... ну вон как Любка на передок (кивок в сторону яркой девахи, разодетой в нечто во всех смыслах фильдеперсовое), но песни знает все. Вот просто все. Целыми днями слушает и запоминает. Ну и старается всем показать, что знает. И как ее было на концерт не пустить? Она же мне клуб по кирпичику разнесет!

В общем, убедительно сказали мне Зина с Зулей, лимоны – это для настоящего певца ртом просто ни о чем. Вот Одуванчик – это реально страшно.

Вежливые все, блин, стали!

Расхожее мнение, что в наш век (нужное определение века вставить самостоятельно) резко выросло количество нервных срывов и депрессий, не

декларируют, пожалуй, лишь имбецилы, немые и маниакальные. И у каждого наготове собственный набор как фактического, так и доказательного материала. В целом схожего с таковым у других, с расхождением ну разве что в незначительных деталях.

И лишь Сергей Петрович точно знает, почему так происходит. Потому что наблюдает процесс, так сказать, изнутри. Ибо гордый диагноз взрывного психопата – это вам не просто так, его надо еще заслужить. Чем Сергей Петрович и занимался с юных лет, как правило курсируя по уже отработанному маршруту. То есть из тогда еще милицейского обезьянника, где встречали по одежке... вернее, по фингалам, а провожали по уму – то есть уже в компании спецбригады – в ставший практически родным дурдом.

Теперь Сергей Петрович заматерел, обрел благородную седину и немного, как это называют у нас, скомпенсировался. То есть стал не то чтобы сильно спокойнее, но теперь хотя бы предварительно прикидывает, где свой нрав можно проявить, а где – все же не стоит. И у него даже время от времени это получается. Поэтому и работу себе нашел такую, где можно смело одним нахом семерых посылахом (кажется, в каком-то ЖЭКе), и даже семьей обзавелся. Правда, там особо не забалуешь: уже на второй несанкционированный «гав» прилетает волшебная транквилизирующая сковородка – но в целом, можно сказать, вооруженная семейная идиллия.

Впрочем, мы не о его семейной жизни, мы о концепции роста нервных срывов и депрессий. Сергей Петрович ее мне однажды изложил, придя на прием (понадобилось успокоительное на всякий пожарный), в своей обычной манере. То есть за дверью кабинета сначала послышалось его бодрое «Здоровеньки салам! А ну-ка, подвинься, очкастенькая... Да мне по фигу, что без стеклышек, я другое подразумевал!», потом возмущенный ропот очереди, потом рык Сергея Петровича, поминающего всуе ацтекского бога Анукатихавсе, – и вот он уже в кабинете.

– Вы, Сергей Петрович, не выпадаете за рамки своего ампула, – заметил я, поздоровавшись.

– Так не вижу необходимости, доктор, – пожал он плечами. – К тому же всё исключительно в лечебных целях.

– Это каким же образом?

– Все просто, Максим Иванович. И все на это закрывают глаза. Вы ведь тоже заметили, сколько стало вокруг невротиков, сколько депрессивных развелось – да как собак нерезаных! А все почему? А все потому, что вежливыми поголовно стали. Эмоции сдерживают. Ведь как раньше было? Подойдешь ты к продавщице в колбасном отделе, а она тебе завесит кусок прямо с хвостиком, не обрезав. Ну ты, понятно, возмущаться – мол, это же сколько лишнего весу! Скобочка алюминиевая, шпагат, то-се... Что она ответит? Да просто ария Брунгильды! Чистая песнь Нибелунгов! Того и гляди вломит ручищей своей, и будешь ты полет шмеля от щелчка валькирии изображать! А сзади очередь (ну вы помните те очереди) тоже не молчит, тоже тебе фаллосов полную тачку пихает. Ну и ты в ответку, понятное дело. И выходишь, значит, из магазина весь с колбасой и просветленный. Разрядка, доктор! На работе, опять же, ты мастеру слово, он тебе три – ну и пошло-поехало. И ведь не обидно никому, все выговорились, все эмоции отыграли. С соседями тоже порой исключительно на ятях только и общаешься.

А сейчас что? Да жопа, доктор. Которая есть, а слова нет. Все, падла, вежливыми стали – типа тренд такой, типа модно-нужно. Начальник тебя вежливо так этим жидким поливает, а ты только молчишь – и обтекаешь. В магазине уже и не отвести душу: все с улыбочкой, прямо медом исходят, а за пазухой небось такое держат! И тебе уже как-то неловко в ответ загибы выдавать. Нет, это я не про себя, у меня-то не задержится, но народ, доктор! Народ-то копит в себе! Не выплескивает вовремя! Оттого и страдает. А вы потом удивляетесь: отчего, мол, перед кабинетом толпа? Да вот все оттуда. Вежливые все, блин. Вот и расплачиваются.

Получив рецепт, он вышел, как обычно, хорошенько толкнув дверь наружу. Чем тут же спровоцировал дебаты на сельскохозяйственную тему: что тут за хрен под дверью вырос и оппонирующее – какого хрена так из кабинета вылетать. Потом градус спора повысился, и через полминуты Сергей Петрович влетел обратно, держась рукой за подбитый глаз.

– Вы только посмотрите, что делается, доктор! – возопил он возмущенно. – Совсем это поколение «Пепси» разучилось держать себя в руках! Никакого, понимаешь, уважения к ветеранам психического труда! Где их хваленая вежливость? В следующий раз, кстати, напомните мне, чтобы мы тему этих покемонов обсудили!

Управляющий планетой

Пожалуй, XIX век был едва ли не самым благодатным для тех, чей бред величия выбирал себе нужный образ. А чего тут думать – надел бикорн [4 - Он же двууголка, шляпа Наполеона.], и вперед! Потом с великими стало несколько труднее. За Ленина и Сталина можно было ответить не по-детски, за Гитлера вообще убьют, с Христом тоже может неловко получиться. А чем дальше – тем заметно скуднее. Нет, были и проверяющие из областной милиции, и тайные секретари обкомов, и воры в законе, и олигархи – но, согласитесь, как-то мелко.

Вот Сергей Владимирович (назовем его так) на такую мелочь не разменивался. Как заступил четверть века назад на должность управляющего планетой Земля – так до сих пор и управляет. Никаких тебе сроков, никаких перевыборов. Как почувствовал, что назначили, – так и впрягся, куда деваться-то. Кто же, кроме него. Просто сначала появилось смутное такое ощущение пополам с томлением души, а потом раз – и все стало кристально ясно: тут теперь от него все зависит. И даже полегчало как-то на сердце.

Поначалу он какое-то время совмещал новую должность с работой на заводе, в НТЦ, но лет через десять пришлось с инженерной должности, ставшей подработкой, уйти – слишком уж на основном месте ответственность и нагрузка большая. Даже в нашем уютном заведении с его суровым внутренним распорядком пришлось несколько раз побывать, настолько перенервничал из-за обстановки в мире и стране, все хотел что-то вручную подправить. Ну и не рассчитал сил: легче было вручную закат солнца сделать.

Потом стал мудрее, получил инвалидность, с завода уволился, и теперь предпочитает действовать тоньше и не лезть лишней раз в систему, которая и так работает. С тех пор только иногда за лекарствами на прием приходит. Однажды он даже снизошел до того, чтобы объяснить мне основной принцип управления планетой.

Просто, как все гениальное, доктор. Вы же в целом знакомы с основами квантовой механики? Отлично. А с квантовой запутанностью? Да-да, Бог не играет в кости и все такое, все верно. Вот и мне приходится действовать в качестве наблюдателя, меняя в правильную сторону наблюдаемый объект. И основной – в планетарном, так сказать, масштабе, и много-много мелких деталей. И событий. И... да много чего. Как? Просто приходится постоянно читать новости. Хорошо, что есть Интернет, раньше приходилось и газеты просматривать, а там много помех и фоновых шумов. Причем новости читать надо правильно. Видишь что-то плохое – сразу ищешь в противовес что-то хорошее, желательно в том же регионе или в той же отрасли. А это трудно. Сами понимаете, плохие новости сами в глаза бросаются, а хорошие поди еще найди. Иногда приходится хорошее в плохом искать, да и не иногда, а главным образом. Нашел – значит, уже исправляешь ситуацию.

На днях написал мне на электронку – мол, все в порядке, лекарства есть, состояние стабильное, обмениваться микрофлорой с другими посетителями диспансера не приду. И обнадежил: дескать, ситуацию с коронавирусом контролирую в целом. Хоть и с огромным трудом. Вы не представляете, доктор, как это на самом деле тяжело: в новостях только об этом и пишут, соответственно, куча народа только про это и читает. И всем тем, кто читает с настроением «все пропало» и «нам всем конец», надо противопоставить правильное, конструктивное прочтение. С уверенностью в том, что все образуется, что и не таких видали, а и тех бивали. Но главное, док, – вы в меня верьте, и тогда все у меня получится.

Коронавирус: горячий, совсем белый

Бытие, как показывает психиатрическая практика, определяет не только сознание, но и его подвыподверты. Так, уже давно никто не мнит себя в бреде величия корсиканцем: народу подавай имидж топ-менеджера, олигарха или, если не размениваться на мелочи, управляющего планетой. А то и повелителя

галактики. Да и галлюцинации, что приносит наркологический геральдический зверек, претерпели метаморфозы: появились НЛО и зеленые человечки, озверела бытовая техника. Хотя черти никуда не делись – уж очень стоек образ в коллективном бессознательном.

Историю эту поведал мне коллега из одного относительно некрупного провинциального города... впрочем, опущу топонимику. В тот день была как раз его очередь принимать вызовы от коллег другого профиля на предмет осмотра на месте, и потому вызов из приемного покоя горбольницы был бы обычным делом, если бы не уточнение: вызывали поглядеть пациента с коронавирусом. Причем «коронавирус» в трубке прозвучал с какой-то особой интонацией. Но делать нечего, вызов был зарегистрирован честь по чести, надо смотреть.

Поглядеть, как выяснилось, стоило. Хотя бы для того, чтобы увидеть выстроившийся вдоль стен персонал приемного покоя и мужика с мухобойкой, неспешно нарезающего круги вокруг стола. Увидев новое действующее лицо, мужик попросил доктора взять что-нибудь подручное и присоединиться. К чему? К охоте на коронавирусы, что тут непонятного. Пойдет ли свернутая трубочкой газета? Ох, малахольные медики пошли. Ну да ладно, берите и помогайте, доктор. Да, можете по ходу вопросы задавать.

Василий (дадим ему такое имя) приехал в город на заработки. В селе-то нормальной работы не осталось, вот и приходится как-то крутиться. А тут, в городе, сразу откуда-то взялась куча свободного времени: за скотиной ходить не надо, а съемная квартира – это не дом, постоянной заботы не требует. Зато поводов для беспокойства и расстройств не в пример больше. Не успели попереживать с мужиками с работы за финансовый кризис и войну в Сирии – на тебе, новая напасть. Коронавирус. И никто ведь толком не скажет, как от него спастись.

Ну Вася-то, положим, голову ломал недолго. Тем более что аккурат на неделю отгулов себе переработки набрал. Вот и устроил себе личный карантин с дезинфекцией. В селе-то оно как: если ветеринара нету или тот не знает, что с приболевшей скотиной делать, – значит, надо лечить водкой. Что цыплят, что телят, что себя любимого, если лечение не помогло и вышел большой стресс. Ну а стресс как раз большой оказался. На работе друг друга хорошо накрутили. Вот и устроил себе Вася большой загул на базе недельного отгула. Исключительно с целью профилактики.

Правда, на шестой день устали и организм, и кошелек, поэтому пришлось полтора дня сильно болеть, а в понедельник шкандыбать на работу. А вечером в среду злой вирус все-таки его настиг.

Придя с работы, Василий сварил себе пачкупельменей и сел перекурить, приоткрыв на кухне форточку. И надо же на улице (первый этаж, вся дворовая жизнь перед глазами) было кому-то надсадно закашляться. Вася помянул китайцев незлым матерным словом – и тут в форточку влетел желто-зеленый пупырчатый шарик. В короне. «Приплыли», – подумал Вася. «Здравствуй, Вася», – пропищал шарик – и поделился. То есть только что был он один – и вот уже два коронованных пупырчатых шарика закружили вокруг него. Вася рванул к кладовке – там лежала им же любовно сделанная по лету из рябиновой ветки и куска старого брызговика мухобойка. «Клиент уходит!» – запищали шарики, помедлили пару секунд – и, поделившись каждый надвое, полетели следом.

Битва вышла тяжелой. Пока Вася успевал уконтропупить один вирус, какой-нибудь из других ухитрялся поделиться, так что число атакующих медленно росло. Закрывшись в туалете, Вася отыграл себе несколько минут передышки – ровно столько, чтобы вызвать себе скорую помощь, отмахнувшись от подробностей и лишь упорно повторяя, что да, у него именно коронавирус и, да, кашель есть (куда он от курильщика-то денется), а температуру мерить некогда, извиняйте, тут у него лечебные мероприятия в разгаре. К моменту, когда один шарик в короне просочился через вентиляцию, а второй вынырнул из унитаза, Вася уже успел перевести дух и был готов ко второму раунду.

К сотрудникам скорой он выбежал сам, держа в руках мухобойку и посекундно оглядываясь. Быстро переговорил с доктором, заверил его, что подвергся нападению злобных вирусов, даже покашлял в кулак, но на осмотр согласился лишь в приемном покое – мол, дело срочное, сами понимаете. «Гони!» – велел он водителю, запрыгнув в салон и выбрав место подальше от двери. Врач линейной бригады не стал спорить, но номер психдиспансера, собрав анамнез, нашел быстро. Особенно когда Вася пару раз приложил мухобойкой и зычной «кудаблей» заднюю дверь – как сам объяснил, для их же коллективной безопасности. А то два вируса шустрые попались, от самого подъезда увязались и преследовали.

– Заберете? – с надеждой спросил врач приемного покоя.

– Заберем, – обнадежил его психиатр, но уточнил: – Как только диагностику сделаете. А то белочка белочкой, но исключить даже малейшую вероятность инфекции все же стоит. Не хочется, знаете ли, оказаться человеком, который привез в дурдом нулевого пациента.

Йогическая сила и уточненный диагноз Дульсинеи Подольской

Этой историей со мной поделился коллега из одного небольшого городка, затерявшегося в лесах средней полосы России.

Поскольку сам городок, скажем так, на метро не претендовал даже в перспективе ближайших геологических эпох (ну разве что из столицы бы ветка дотянулась), то и отдельного психоневрологического диспансера как такового в нем не было. Так, кабинет психиатра, мимо которого народ ходил как-то настороженно и даже с опаской: а ну как у доктора там в шкафу два дюжих молодца, одинаковых с лица, прячутся? Как выскочат, как выпрыгнут, как пойдут гулять вязки фланелевые по рукам и ногам! В общем, боязно.

Доктор же смущенно улыбался и разводил руками: ну ничего, мол, не могу сделать с устоявшимся стереотипом, обретшим мощь эгрегора. Так, глядишь, и самозародятся в шкафу эти двое. Но я-то тут буду уж точно ни при чем. Я же человек сугубо мирный. Как атом. Даже санитарку нашу всебольничную, Дульсинею Подольскую, не трогаю.

Дульсинея Подольская, она же тетя Дуся, и в самом деле когда-то перебралась в их палестины из славного города Подольска. И даже фамильную, практически гербовую, швейную машинку с собой привезла. По легенде – ту самую, из первых. Но с шитьем ради заработка на новом месте у нее как-то не сложилось, и машинка осталась чем-то таким символическим. Для души. Как чуть позже храм, а еще чуть позже – йога.

А поскольку душа у тети Дуси оказалась широкой, то шанса увернуться не оказалось ни у кого. Ни у больницы, ни у ее коллектива, ни у пациентов. В итоге швейная машинка перекочевала в санитарскую комнату (главврач и старшая медсестра как-то сумели отмахаться от такой чести), сама же тетя Дуся ходила по коридорам вся из себя благодатная, временами фраппируя посетителей очередной монументальной композицией «Дульсинея Подольская с ведром и шваброй в Сахаджа Пурвоттанасане».

И все бы ничего – стрекотание машинки придавало больничной атмосфере легкий флер чего-то домашнего, а от Дусиных асан со временем стали шарахаться только новые посетители, – если бы не ее привычка вмешиваться в процесс лечения. С милой деликатностью бульдозера.

Вполне обычным тети-Дусиным развлечением, к примеру, было присесть на скамеечку среди ожидающих своей очереди к терапевту бабушек и начать свой альтернативный прием, активно агитируя за молитву и пост. Или, подловив выходящего от невропатолога пациента, поинтересоваться, чего новенького доктор назначил, а потом бац – и заявить: мол, неплохо, неплохо, но это же химия голимая, а вот если по полчаса в день стоять на голове (хоть покажу как? Нет? Да мне не сложно!), то никакого винпоцетина [5 - Винпоцетин – корректор нарушений мозгового кровообращения.] не понадобится, вся кровь от задницы отольет и к мозгам нужные вещества враз доставит. А уж сосуды как расширятся! Главное, чтобы глазки не полопались, но это дело привычки.

На все попытки как-то придушить ее прекрасные порывы Дульсинея Подольская вставала в асану оскорбленной невинности: дескать, из лучших же побуждений! Для вас же стараюсь! При чем тут лицензии и сертификаты – народная же мудрость!

Однажды, правда, нашла швабра на высоковольтный кабель. Вернее, тетя Дуся на окулиста. Доктор, отпустив с приема пацаненка с тяжелой и сложной формой какой-то там глазной патологии, вышла следом в коридор и застала Дульсинею Подольскую в самый разгар альтернативной консультации. Та вещала мальчику и его родителям о том, что все его невзгоды – от смартфона, который тут же и предлагала утопить в ведре, поскольку со злом надо бороться радикально. Перехватив санитарку на сакраментальной фразе о молитве и посте, окулист взяла ее на буксир и потащила к кабинету психиатра. Прикрикнув, чтобы сидела и не смела никуда уходить, доктор зашла к коллеге и выдала в красочных выражениях весь *anamnesis morbi* [6 - История болезни (лат.)], потребовав в

конце принять хоть какие-то меры.

Дульсинея все это время внимательно слушала, подкравшись на цыпочках к приоткрытой двери. Психиатр отвечал вполголоса, но разобрать слова «конституциональная глупость», «йогическая сила» и «бесперспективняк» она все же смогла. После чего тихонько прикрыла дверь и рванула на выход. Как была, в халате веселой расцветочки.

Забег ее закончился у здания местного суда, куда тетей Дусей и были поданы два заявления. Первое – на окулиста, находящегося в коррупционном сговоре с производителями смартфонов: иначе с чего бы ей их защищать? И второе – на психиатра, причинившего ей моральный вред и уронившего ее достоинство, обозвавши дурой.

Потом судья имел беседу с докторами, по итогам которой состоялась еще одна, снова с Дульсинеей.

– Что касается вашего первого заявления, – сказал он, устало потирая переносицу, – то вы, конечно, можете попытаться. Но сначала придется доказать – не горлом, а объективным исследованием, – что смартфоны действительно вызывают такое заболевание. Готовы вложить в это свои деньги? Нет? Может быть, тогда сами выучитесь на окулиста и сами займетесь этим вопросом? Тоже некогда? А как тогда насчет ответственности за клевету? Вот и ладно. Теперь что касается второго. Евдокия Степановна, я беседовал с доктором, с его коллегами – да практически со всем вашим коллективом. И скажу вот что. Если нечто вроде «дебил» или «салонный дурак» говорит некто с улицы – это оскорбление. Если министр иностранных дел – это оценочное суждение утомленного человека, ставшее мемом. Если же что-то в этом роде говорит доктор – то это диагноз. В данной ситуации – уточненный. Прозвучавший во время консилиума на тему профпригодности.

Бах у тебя просто потрясный!

Разговорились мы тут как-то с коллегой, командированным в военкомат. И речь зашла, само собой, о призыве.

Вспомнили отвязные девяностые. Сравнили с нынешними временами. И оба пришли к выводу, что призывник-то совсем другой пошел. Страшное дело: в армию хочет! Причем поголовно. Причем даже тот, которого и близко к казарме подпускать нельзя. Голоса ему, понимаешь, велят Родину защищать и шепчут, что та в опасности. Нет, спасибо, конечно, что предупредил, но найдется кому. Н-да, бытие не только сознание определяет, но и продуктивную психосимптоматику.

А ведь в те же девяностые, кого ни спроси насчет долг той самой Родине отдать – так сразу все одесситы: «ой, да откуда такие проценты?», «ой, да я вас умоляю, я столько не занимал!». Косили, соответственно, чаще. Даже по нашим статьям, хоть таких и не сильно много находилось. Порой достаточно было объяснить, как проходит обследование и каковы перспективы. Или пообещать определить в нервно-психические войска. Ага, где тельняшки выдают и на зебрах верхом учат ездить. Но находились кадры. Порой настолько умелые и изобретательные, что аж в ступор вгоняли. А то и в развернутый эпилептический припадок, добавил коллега. И поведал историю.

Миша (назовем его так) не мог бы назвать себя классическим ботаном. Нет, учился он хорошо и даже на физкультуре показывал неплохие результаты. Вот только компании сверстников не очень любил. И конфликты предпочитал разруливать не кулаком, а добрым словом. Поэтому – да, скорее ботан, но больше в душе, чем внешне. И этой самой душе было как-то беспокойно: те, кто был постарше и уже вернулся из армии, такого успели рассказать, что Миша понял – не про него уставы писаны. Значит, надо что-то делать. Перебрав перечень статей для «негодников», он было приуныл и стал напевать, мол, всегда быть в каске – судьба моя: такому лосю ни язву, ни грыжу, ни плоскостопие изобразить не удастся. Но потом полистал нужную литературу – и просиял. План сформировался.

На призывную комиссию Миша пришел с легкой улыбкой на устах, с плеером и в наушниках. Поболтал с одноклассниками, побродил по коридору – и вдруг рухнул на пол, забившись в эпилептическом припадке. Выбежавший на крики ребят медицинский персонал подтвердил: да, натуральный эпилептический припадок, генерализованный, с пеной изо рта и прикушенным языком. Вкатили реланиум, перенесли на кушетку, повернули на бок, дали отлежаться – и выписали

направление на обследование в психдиспансер. Да, не удивляйтесь: в те годы эпилептики проходили обследование по психиатрической линии и эпилепсию подтверждали или опровергали психиатры.

За неделю Миша успел познакомиться и с постоянными обитателями отделения, и с ребятами, которых тоже прислали на обследование. Ничего страшного, главное – режим надо четко соблюдать. Вот только доктор не сильно порадовал. Нет, мужик-то нормальный. Но въедливый. Все удивлялся, почему на электроэнцефалограмме никаких признаков болезни. И откуда тогда припадок на ровном месте? Успокоил: мол, ничего, еще недельку посмотрит, там видно будет. Пришлось корректировать план и озадачивать брата.

Вскоре вместе с сигаретами, чаем и пакетом вкусняшек брат передал Мише наушники и плеер. Санитары пожали плечами: дескать, твое дело, только будь добр, сам следи за своими вещами.

А на следующий день доктора буквально выдернули из кабинета сразу после утренней пятиминутки: у Миши случился припадок. Снова полноценный, развернутый. А через пять минут – у его соседа по палате. А следом – у санитаря.

– Да что же это за эпидемия с ударением на «эпи»! – Врач окинул взглядом троицу, мирно посапывающую после приступа.

– Они музыку слушали, доктор, – сдал болезных парнишка из злосчастной палаты.

– Какую музыку? – не понял врач.

– Классическую, – с радостью пояснил парень, протягивая плеер с наушниками, – фуги Баха. Мишу унесли, а плеер так на кровати и лежал. Они и полюбопытствовались. Ну и...

– Ну на фугу [7 - Фуга, в медицинском понимании – это особый вид расстройства сознания, когда под воздействием мощного травмирующего фактора человек бежит, уезжает – в общем, покидает привычное место обитания – и там, где он наконец прекращает свое бегство, он словно начинает жизнь с чистого листа, полностью или частично забывая, кто он, откуда и что с ним когда-то

происходило.] пока не тянет, – с сомнением пожал плечами доктор, покосившись на троицу и взяв в руки устройство, – а с припадками надо разбираться.

Разбираться, впрочем, пришлось недолго. Плеер сразу показался... неправильным, что ли. Нет, кассета с фугами Баха в нем действительно была. Вот только само устройство оказалось с апгрейдом. К задней его стенке синей изолентой был прикручен отдельный блок, крупнее самого плеера, и вот как раз по поводу него у доктора к Мише появились вопросы.

– Конденсаторы, резисторы, дублирующая проводка и контактные пластины на обивке наушников. Что еще? Ах да, кнопкой воспроизведения цепь замыкается... Миша, да тебе можно давать свидетельство о рацпредложении! Это же надо – своими руками собрать портативный аппарат для электросудорожной терапии! Как сообразил-то еще?

– Было где литературу найти, – потупился Миша. – А с электрикой разобраться не проблема. Доктор, на меня ребята сильно злые?

– Они еще не знают, что к чему. Пока думают, что в плеере какой-то дефект.

– Может, не стоит их разубеждать? – с надеждой посмотрел парень.

– Я подумаю. – Доктор покрутил в руках устройство. – Бах, говоришь? Надо же, как сильно действует классика на неокрепшие умы. Потрясающе, не побоюсь этого слова. С первых нот плющить начинает. А потом колбасить.

– Ты его списал в итоге? – спросил я.

– Пф-ф! При такой-то готовности к самоповреждениям, помноженной на изобретательность? – фыркнул коллега. – Конечно, списал. Как ты сам понимаешь, не по эпилепсии. Зато на психопатию накопалось столько, что и придумывать ничего не пришлось. Но каков кадр, а!

У вашего кота депрессия?

Оксана тут однажды рассказала об одной из пациенток, что была у нее на приеме, и я вспомнил то ли анекдот, то ли реальную историю, которую несколько лет назад увидел на каком-то из дачных форумов.

Дело было так. Завелись у одной дамы на даче кроты. Вот и озаботилась она тем, как бы их спровадить. Ставить кротовки и всякие прочие капканы побоялась – потом же трупы в руки брать, где-то хоронить, а у нее к грызунам отношение трепетное, до визга в диапазоне ультразвука. О, кстати, ультразвук! Что-то там говорили про устройства, генерирующие такие вибрации. Мол, не переносит тонкий слух грызунов такого безобразия, и они, упаковав все нажитое непосильным трудом... в общем, удирают они с участка. Приходит в дачный магазин, обращается к продавцу – и тут понимает, что не может вспомнить, как правильно назвать это устройство. Помнит только про ультразвук, про вибрации и про кротов. И, соответственно, просит вибратор для крота. Продавец, в лучших традициях английских дворецких, ни на секунду не изменив каменного выражения физиономии, с участием интересуется: «Вашему кроту скучно?» Ну да бог с ним, с отступлением, теперь о том, почему оно мне вспомнилось.

Пришла к Оксане на прием ее давнишняя пациентка. Из довольно благополучных – как в плане клиники, так и в плане прогноза. Так, время от времени невращения напоминает о себе, и, если уж совсем начинает докучать, приходится что-то предпринимать по этому поводу: лекарства попить или с психотерапевтом позаниматься.

Но на этот раз у нее-то как раз никаких жалоб не было: все спокойно, все стабильно. Пришла она попросить amitriptyline... для своего кота.

– У вашего кота депрессия? – Доктор, едва заметно приподняв брови, поглядела на посетительницу поверх очков.

– У моего кота, простите мой плохой французский, ссаная депрессия, – вздохнула та. – На самом деле я затрудняюсь предположить, что же с ним такое, лучше расскажу все по порядку.

Где-то с год назад нашла она то ли в подъезде, то ли на улице брошенного кота. Бенгальского, между прочим. Не мне вам объяснять, какими глазами может смотреть кот, когда ему что-то очень нужно. Мультфильм про Шрека все помнят.

Вот и дама не устояла, приютила. Сложно сказать, каков был анамнез у животинки до его повторного усыновления, вот только клиника поперла едва ли не на следующий день. Кот пошел везде мочиться. Новая хозяйка уж и терпела, и увещевала, и всякими хитрыми аттрактивами к лотку приучала – без толку. Смотрела видео про то, как надо воспитывать скотину, – все напрасно. Кот, приравняв квартиру к большому двухкомнатному лотку, был готов помереть от полиурии, но священный долг освоения нового жизненного пространства выполнить.

Последней, простите за невольный каламбур, каплей стал его опус в – не поверите – только-только купленной микроволновке. Причем настолько качественно он там отметился, что ни по гарантии, ни просто за деньги микроволновку у его хозяйки не приняли. Стоило ей открыть дверцу, как персонал ремонтных мастерских, глотая слезы и пытаясь дышать пореже, переводил стрелки на приемщиков лома. Ну или еще где-нибудь прикопать поглубже советовали. Но чтобы отремонтировать ЭТО – свят-свят-свят!

В общем, повезла она... не микроволновку, а кота... нет, не прикапывать поглубже, а к ветеринару. Снова нет, не усыплять, а на консультацию. Тот выслушал, на скотинку полюбовался, подумал – и назначил коту курс инъекций амитриптилина. То ли исходя из его основного действия как антидепрессанта с седативным эффектом, то ли из побочного – вызывает амитриптилин задержку мочи, потому порой и применяется при ее недержании, то ли с целью задействовать все в комплексе.

Вот только каждая такая инъекция амитриптилина в ветклинике по стоимости выходила дороже, чем его упаковка из десяти ампул в обычной аптеке. Вот и пришла дама к Оксане Владимировне за лекарством – мол, сама ему колоть буду, сколько ветврач предписал. Вот, смотрите, листок с назначениями.

– Но вы же, надеюсь, понимаете, что выписать амитриптилин на кота Фарисея с моей стороны будет экстравагантным даже для нашего родного дурдома поступком? – спросила доктор. – Поэтому выписываю на вас как на хозяйку. Так что диагноз «ссаная депрессия» оставим для внутреннего пользования.

Продавец страхов

Был не так давно в банке – надо было забрать новую карту – и в процессе ее оформления слушал долгий монолог сотрудника, который активно пытался продать мне страховку вклада. От пропажи, от покражи, таза медного поклажи... И размышлял о том, что страховые агенты превзошли самых успешных алхимиков. Те-то честно искали философский камень, чтобы свинец в золото превращать. Но чтобы вот так – деньги из воздуха... нет, даже не из воздуха, а из наших страхов и опасений... А потом вспомнил одного своего пациента.

Приходит он довольно редко: ну есть у человека навязчивые страхи, но чаще всего он сам с ними справляется. Вот когда перестает справляться – тогда на огонек и заглядывает. Да и некогда ему: будучи по складу своему кверулянтным [8 - Кверулянтство – непреодолимая тяга к сутяжничеству.] (хотя сам он называет это качество болезненной непереносимостью мировой несправедливости), Матвей Егорович большую часть своего свободного времени занят оттачиванием своего мастерства в эпистолярном жанре. Письма человек пишет. То в суд, то в ЖКХ, то в какое-нибудь общество защиты кого бы то ни было от чего бы то ни было. Нет, поводы вовсе не надуманные и не галлюцинаторно-бредовые, а очень даже реальные. Просто большинство из нас с вами не стало бы по ним заморачиваться, а он – не может иначе.

А как потратит запас нервических сил на поле боя добра с разумом – так и начинают одолевать бойца очередные навязчивые страхи. Собственно, когда на этот раз он появился на пороге кабинета, я и подумал, что имела место очередная битва. Но ошибся: она только предстояла.

Спросил, что же на сей раз довело столь занятого человека до наших е... пардон, палестин. Матвей Егорович смущенно улыбнулся: все как обычно. Только вот страхи новые, необычные. И на сей раз он прекрасно знает, откуда дровишки. То есть мыслишки. Из банка.

Пошел он (как и я сейчас) в банк менять карточку на новую. А там энергичный и обходительный молодой человек сидит. Все уже почти оформил и вдруг спрашивает: а не хотите ли вы застраховать свои кровные? У вас-де есть чем поживиться всяким интернет-мошенникам и онлайн-жуликам. Они, знаете, какие ушлые да ловкие? А ваш вклад весь такой беззащитный, весь такой доступный.

Облапошат же, говорит, в момент. В общем, почти уговорил, еле успел Матвей Егорович выторговать себе время на подумать.

Вот и думал он все эти дни. И чем больше думал, тем страшнее становилось. Все казалось, что так и сжимается кольцо врагов вокруг его банковского счета. Что уже подбирают они к нему ключик. Раз по пять на дню проверял – ф-фух, еще не подобрали. Каждый день придумывал новый пароль. Все равно не полегчало – страх не отпускал. Последние две ночи почти не спал. А сегодня с утра плюнул и пошел на прием.

– Матвей Егорович, это называется – вы счастливо нашли друг друга. Ведь, по сути своей, вся страховая система держится на навязчивом опасении клиента, что наступит страховой случай. И прямая должностная обязанность страхового агента – привить клиенту такую Obsession.

– Но ведь это же причинение вреда психическому здоровью граждан! – взвился Матвей Егорович. – Надо что-то с этим делать!

– Увы, – развел я руками. – Мы связаны по рукам и ногам. Да и как отменишь всю систему? Вряд ли такой радикальный подход годится. Разве что точно, по каждому конкретному случаю слишком ретивого навязывания страховых услуг – и то в порядке частной инициативы пострадавшего.

– Будет, будет инициатива! – аж потер руки в предвкушении Матвей Егорович. – Выписывайте мне, доктор, самые лучшие лекарства, назначайте самого именитого психотерапевта, я начну курс лечения. А заодно все чеки соберу. Чтобы было что предъявить, когда подам иск о моральном вреде и непоправимом ущербе психике.

Чем закончилась эта тяжба и начиналась ли она вообще, я не знаю – вскоре ушел в отпуск, а потом этого пациента уже не видел, причем долго. Наверное, все же ушел его навязчивый страх. Ведь у человека появилась цель – наказать того, кто ему этот страх привил.

А Гарри Поттера уже выписали!

Знаете, иногда очень жалеешь, что фотоаппарат неудобно постоянно носить с собой. Даже не так: носить-то я пробовал, моя супермыльница даже на пояс в чехле крепится, но это все же не револьвер героя вестерна: пока расстегнешь чехол, пока достанешь, пока она включится... А в тот день нужен был именно эдакий фоторевольвер. Впрочем, все по порядку.

Представьте себе уютный дурдомашный дворик, по трем сторонам ограниченный трехэтажными крыльями нашего заведения. Рябины, щедро усыпанные гроздьями алых ягод, яблони, чьи ветви согнулись от урожая – яблочный год выдался. Конец первой смены. Стою с коллегами, вышедшими на перекур. Болтаем о превратностях погоды, о недавнем ливне, чуть было не отрезавшем нашу больницу от шоссе – въезд-то в низинке расположен. В общем, о чем угодно, лишь бы работу не вспоминать.

И вдруг чуть вдалеке, на уровне второго этажа – звук удара чего-то увесистого о стекло, чей-то обценно-удивленный возглас, и следом: «Кыш, пошла отсюда!» И мы как замороженные провожаем взглядом крупную сову. Пролетая мимо яблонь и рябин, почти касаясь крылом стены, она огибает корпус здания и скрывается из виду.

– Я надеюсь, все видели то же, что и я? – осторожно спрашивает один из коллег, чуть не проглотивший свою сигарету.

– Угу, – успокаивает его второй. – Больные в отделении, кстати, тоже. Но, скорее всего, санитарам и докторам не расскажут.

– Что ей тут было надо? – переглянулись доктора. – Наверное, не в курсе, что Гарри Поттера уже выписали, – пожал я плечами. – Хотя, помнится, у него была полярная, не?

Кармоталеры, интелбаксы и тридцать пятый перевод бабушки через дорогу

Неверно было бы думать, будто все, что мы слышим от посетителей и пациентов, сидя на приемке в нашем серьезном, но уютном и почти семейном учреждении, – бред и абсурд. Вот честно, если проехаться домой на общественном транспорте, – услышишь намного чудесатее. И по степени бредовости заметно насыщеннее. Но фильтровать, конечно, приходится.

Ходит к нам на прием один товарищ. Сергей Евгеньевич (дадим ему такое имя) – можно сказать, ветеран перманентной войны добра с разумом. Правда, со временем война приняла позиционный характер, и Сергей Евгеньевич, исправно принимая лекарства и появляясь раз в квартал пред светлы очи докторов, терпеливо ждет, пока разум на что-нибудь отвлечется – а он тут как тут. С тачкой добра повышенной бризантности [9 - Бризантность – мера способности взрывчатого вещества к местному дробящему воздействию на среду, в которой происходит взрыв.]. Всякий раз, кстати, подкидывает интересные идеи на предмет обдумать. И хитро так выжидает: сразу доктор объявит их откровенно бредовыми или, может быть, все-таки задумается? А там, глядишь, и сам индуцируется...

Идея, с которой он пришел на сей раз, касалась денег. Нет, не было у него рецепта внезапного обогащения за спиной банков и налоговой инспекции. Он вообще считает, что деньги – это зло. И этого зла у него просто не хватает, чтобы учинить что-нибудь глобально-революционное. Опять же, как вполне резонно рассуждает Сергей Евгеньевич, есть люди, у которых от рождения к деньгам талант, вкупе с отсутствием богатого воображения и склонности излишне рефлексировать – вот зло к ним и липнет. А он к таковым не относится. Но и не переживает особо, поскольку убежден, что деньги в том виде, как они есть, уже отжили свое. Попытались замахнуться на нематериальные категории, вроде чести и совести, – и не осилили наскока.

Но полностью и вот так вот сразу от них рано отказываться, считает Сергей Евгеньевич. Слишком много на них завязано. Нужен постепенный переход. К чему? А к дополнительным системам выражения общечеловеческих ценностей. Вот взять, к примеру, добрые дела. Перевел бабушку через дорогу – получи кармоталер. Сделал вклад в науку – вот тебе горсть интелкоинов. И пусть каждая валютная единица будет обеспечена какими-нибудь особыми благами, которые либо трудно купить за деньги, либо которые будут работать как особый коэффициент для привычной нам валюты. К примеру, кармоталер умножает

имеющиеся у вас рубли на десять. Ну хорошо, на пять. А интелкоин – на три. Или четыре. Можно, добавил Сергей Евгеньевич, ввести еще индексы или рейтинг социальной активности и полезности. Чтобы в кубышке не копили, а несли добро в массы.

Изложил он мне свою идею – и остро так посмотрел: кинется ли доктор менять амбулаторные назначения? А то, может, и вовсе госпитализацию предложит? Доктор не кинулся. И не предложил. Лишь заметил, что сама по себе идея хоть и интересная, но сырая. Какие такие блага можно приобрести на один кармоталер, но нельзя купить за рубли? Куда тратить интелкоины, кроме умножения имеющихся рублей на эту горстку? Как высчитать полезность и доброту конкретного поступка? А главное – как проконтролировать, чтобы он был реально полезным? Ведь перевести бабушку (одна штука) через дорогу (одна штука) – это в целом неплохо. Но обрадуется ли бабушка накрутчику кармы, переводящему ее через одну и ту же дорогу в тридцать пятый раз?

В общем, Сергей Евгеньевич ушел озадаченным. Обещался к следующему визиту откалибровать шкалы оценки и систему вознаграждений. Что же, время у него есть. Глядишь, чего и придумает.

Психколония, какой она была

Раньше в СССР существовали целые поселения психически больных людей. Их называли психиатрическими колониями. Просуществовали они где-то до шестидесятых годов, а потом частью были заброшены, а частью реорганизованы в психиатрические больницы.

Зачем создавались такие колонии? Чтобы было где жить пациентам, которые уже не могли адаптироваться в обществе и за которыми некому было ухаживать. Продуктами психколония обеспечивала себя самостоятельно: на государственные деньги особо не разгуляешься, дай бог, чтобы хватило на

лекарства и одежду. Вот и обзаводились своим собственным хозяйством, растили кур, свиней, коров, сажали картошку и капусту. Летом собирали грибы и ягоды, ловили рыбу, а кое-где даже делали собственные рыбные пруды. Свежий воздух, своя еда, возможность не валяться целыми днями в кровати (а поначалу и кроватей не было, только сено на полу!), а заниматься чем-то нужным – всяко лучше, чем в больнице.

Персонала при такой психколониі было всего ничего – а зачем, ведь у психохроников обострения бывают много реже. Порядок помогали поддерживать сами больные. Бывали, правда, ситуации, когда приходилось действовать быстро: например, эпилептический припадок во время еды, когда пациент мог насмерть подавиться обедом. Что делали? Хватали за ноги и поднимали вниз головой над полом, буквально вытряхивая застрявшую в дыхательных путях пищу.

Янина Чеславовна работала врачом в одной из таких психколониі в Беларуси (тогда еще Белорусской ССР). Была в этой колониі отдельная палата, отведенная имбецилам. В основном ребята смирные, главное – присматривать за ними, как в детском саду: кому сорочку поменять (штанов не хватало, а и хватало бы – не успевали бы стирать), кого умыть, кого с ложечки накормить. Когда обзавелись кроватями, стоило немалых трудов отучить их спать на полу. Заходит, бывало, доктор в палату вечером, а там пусто. Приглядится – а они все, свернувшись калачиком, спят под кроватями. Привыкли к тем послевоенным временам, когда постелью служила охапка сена.

И вот однажды к Янине Чеславовне прибегает пациент из этой палаты и обращается к ней по имени-отчеству. Притом что несколько лет от него не было слышно ни слова, и все считали, что разговаривать он не умеет. – Янина Чеславовна, там ко мне сестра приехала! – Саша! – изумилась доктор. – Так что ж ты все эти годы молчал!

– А мне было неинтересно разговаривать. Да и с кем? С имбецилами?

Выяснилось, что до войны он многие годы лечился в Минской психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения». С кататонической симптоматикой. Периодически выписывался домой, к матери и сестре, потом снова попадал в больницу. Когда началась война, больницу эвакуировали, потом пациентов разбросало по разным учреждениям, и он в конечном итоге оказался здесь. Медицинская документация не уцелела – сохранились лишь паспортные данные.

Попав в психколонию, Саша сразу же прибился к имбецилам: тихо, спокойно, никто с расспросами не лезет, что еще надо? Да так среди них и прижился. А медперсонал за эти годы успел не раз поменяться, и все уже привыкли видеть его в рядах этих больных. Возможно, вы скажете – мол, надо было попробовать поговорить? А вы хоть раз пытались побеседовать с имбецилом по душам?

Оказалось, сестра все эти годы разыскивала Сашу. И нашла. И узнала. И он ее сразу узнал. Как и завещала мать, сестра приехала его забрать домой. Одежду Саше собирали всей психколонией. Выбрали самое новое и лучшее, прямо со склада. Саша сам сходил в баню, побрился и пришел к доктору прощаться:

– До свиданья, Янина Чеславовна. И спасибо за все эти годы.

– Было бы за что благодарить, Саша.

– Есть за что. Кормили, ухаживали, слова грубого я не слышал. И знаете – мне ведь было не так уж и плохо. Спасибо.

Вам – вилы!

За все время работы в нашем серьезном государственном учреждении припоминаю несколько случаев, когда у доктора пытались выяснить: а много ли сумасшедших живет в доме (подъезде, на этаже, нужно подчеркнуть), где вопрошающий собирается прикупить себе квартиру? Причем донести до сознания человека, что есть такая вещь, как врачебная тайна, в этих случаях было крайне затруднительно: ну мне же надо, я же не из природного любопытства спрашиваю! Очень обижались, получив отказ.

А между тем далеко не всегда соседство с человеком, который регулярно наведывается в наш диспансер, оказывается беспокойным или, паче чаяния,

опасным. Бывает и наоборот – полезным. Не верите? Ну тогда слушайте.

Игорь Васильевич (допустим, его звали так) дачу свою очень любил. Поэтому, как только по весне сходил снег, он появлялся в диспансере и просил выписать ему лекарств побольше, чтобы до поздней осени, до белых мух хватило. И доктор, как правило, не отказывал: пациент давнишний, знакомый, в стационар уже много лет не попадает, ну а то, что голоса, – так это дело привычное. Опять же, не ругают, на подвиги не толкают – так, просто бормочут что-то нейтральное, да и то изредка.

Возвращался в город Игорь Васильевич уже к концу октября. И всякий раз грустно вздыхал по этому поводу: не тот простор, не тот воздух, да и тишины той нет. Особенно тишины: жил он на втором этаже, а первый, аккурат под ним, занимало кафе. Местечко оказалось бойким, посетителей хватало, особенно по вечерам.

Один из таких поздних вечеров оказался ну очень шумным. Шел уже двенадцатый час, а звуки снизу доносились даже сквозь подушку. Да что там доносились – даже голоса в голове посетовали, что слишком громко внизу шумят.

Игорь Васильевич вздохнул, оделся, спустился вниз и вежливо попросил не мешать ему спать. Его вполне ожидаемо, хотя и заметно менее вежливо, попросили не мешать людям расслабляться. И даже подсказали маршрут, в конце которого он может обрести покой и тишину. Без лишних подробностей, но азимут был вполне читаем.

Игорь Васильевич ушел. Но вскоре вернулся. С вилами в руках: не особо доверяя сторожам дачного массива, весь сельхозинструмент он по окончании сезона предпочитал хранить дома. Нет, бойни не произошло: ценитель дачной тишины просто застыл статуей командора у входа. Но намек оказался достаточно прозрачен, чтобы бармен вызвал полицию.

Полицейские, прибыв на место, даже умилились: надо же, как все чинно и непривычно тихо. Да и народу не сказать чтобы много. Выслушав бармена, обратились к Игорю Васильевичу. Ну он им и выложил все как на духу: мол, так сегодня шумели, что аж не слышно, что голоса в голове говорят. А вдруг что важное?

- Так вы на учете у психиатра состоите? – догадался полицейский.

- Состою, – честно признался Игорь Васильевич.

Полицейский представил, что сейчас надо будет как-то организовывать доставку пациента в приемный покой, там бодаться с дежурным врачом, обосновывая необходимость госпитализации, а если откажут – скорее всего, доставлять его обратно... И загрузил.

- А может... – с надеждой спросил он. – Может, вы просто домой пойдете?

- Может, и пойду. – Игорь Васильевич протянул вилы бармену: – Пусть у вас до марта полежат.

И ушел.

С тех пор в кафе больше не шумели. Никогда. Более того, вилы эти администрация кафе у Игоря Васильевича выкупила по хорошей цене: такая легенда пропадать просто не имеет права!

Накопить на бессмертие

Проблема бессмертия не дает покоя не только фантастам. Оно и понятно: уж очень заманчивая тема. Даже ученые ловят себя на мысли о том, почему же все-таки нельзя? Ведь очень хочется. А если нельзя, но очень хочется – может, все-таки можно?

Ну а пока ученые рассматривают разные направления, по которым можно к этому вопросу подступиться, кое-кто уже готовится к тому светлему дню, когда предложение таки появится на рынке. Беседовал я тут как-то с одним из своих

давнишних пациентов. Он время от времени попадает в наши пены на стационарное лечение, но в последние годы голос Америки звучит в его голове реже и глуше, да и команд уже не дает – так, отдельные рекомендации. Видимо, не зря я столько лет добивался от него аккуратности и точности в соблюдении назначений. Поэтому сейчас он обычно приходит доложить о самочувствии и выписать лекарства. Ну и поболтать за жизнь, как же без этого.

На этот раз я заметил, что Алексей Иванович (назовем его так) похудел. Не истощал, но явно расстался с парой-тройкой кило как минимум. Решил я полюбопытствовать, в чем же дело, нет ли тут какого недуга, – и Алексей Иванович, жутко смущаясь, решил признаться.

Да, он действительно решил урезать себе рацион. И вообще расходы. Поскольку копил деньги. Ну а что:

живет один, пенсию платят, подработка есть, поскольку профессиональных навыков человек не растерял. В общем, небольшой, но профицит бюджета имеется. А если еще и расходы сократить – получается в месяц неплохая сумма. На что?

Еще больше засмутившись, Алексей Иванович признался. На бессмертие. Нет-нет, доктор, вы не подумайте чего профессионального. Я ведь сам инженер-электронщик, да еще и программирование худо-бедно когда-то освоил, потому и востребован до сих пор. А тут в последнее время тема одна начала все чаще всплывать. Насчет перевода личности в цифру и переноса ее на компьютерное железо. Ну то есть... да, вижу, вы поняли.

В общем, ждет Алексей Иванович, когда понадобятся первые добровольцы, готовые перевести свою личность и перенести сознание в цифру. Готов даже сам приплатить им за эту процедуру: потом-то, когда всё отработают, выйдет дороже, он просто не потянет. Одна надежда тогда на биохакеров и останется, и сейчас он ищет их в Сети – вдруг пригодится?

Всего лишь три вопроса волнуют Алексея Ивановича. Первый – останутся ли с ним при переносе его галлюцинации? Второй: не получится ли так, что на готовую матрицу личности возьмет да и сядет зайцем чья-нибудь другая неприкаянная душа, причем совершенно бесплатно? И третий – не сочтет ли доктор его мечты за бред и не усилит ли лечение?

Я ответил, что на первых два вопроса ответа у меня нет, зато на третий могу пообещать, что не сочту и не усилю. В конце концов, есть теперь у человека мечта, и кто я такой, чтобы ее рушить?

Гордая плесень и умная опухоль

Однажды где-то в соцсетях прочел комментарий к публикации на экологическую тему: дескать, человечество – это плесень, которой покрылась наша Земля, ее раковая опухоль. Вообще, некоторое сходство есть, особенно если ночью смотреть из иллюминатора самолета на проплывающие под крылом поселения. Этакая фосфоресцирующая... С борта космической станции, поди, аналогия еще сильнее напрашивается: вон, гляди, Европа совсем заросла, а Сибирь почище будет. И лишь полюса девственно стерильны.

Поделился с коллегой из дневного стационара впечатлениями по поводу этого комментария, так он аж по лбу себя хлопнул – мол, хотел же тебе рассказать о недавнем споре среди пациентов, хорошо, что напомнил! Как раз эта тема звучала. А дело было так.

Как-то раз после обеда, когда по домам еще рано, а заняться уже особо и нечем, собрались обитатели дневного стационара в холле – кто в шахматы сыграть, кто в нарды, кто просто поболтать за жизнь. Ну и зацепились языками за экологию: утром химзавод снова порадовал очередным выбросом, как раз под морозный туман, чтобы не так заметно было. Заметно в этой дымке на глаз и не было, зато запах стоял тот еще. Вот и нашлась новая тема, а то про президента и Думу уже надоело, психиатрия вся уже до последней косточки обсосана, а поговорить хочется. Тут кто-то и заявил: мол, человечество – оно как какая-то больная короста на поверхности планеты.

– Да-да, – подхватил депрессивный пациент, – натуральная плесень, которая все загадила!

– Не то слово! – поддержал его товарищ с нигилистическим бредом (правда, не особо ярким, привычным и фоновым, потому и в дневной стационар угодил, а не

в круглосуточный), – опухоль, которая гниет и метастазирует!

– Сам ты опухоль! – вскинулся пациент с отыгрывающей и стихающей манией. – Сам ты загниваешь!

– Да сгнил уже давно, – охотно согласился Нигилист, – просто грустно и мучительно все это.

– Вот про себя и говори, нечего на все человечество клепать, – не успокаивался Маниакальный. – Человек – это звучит гордо!

– Правда, с немытой головой, в засаленной футболке и трениках с пузырями на коленках выглядит неважно, – подковырнул Депрессивный.

– Да кто бы говорил! – огрызнулся Маниакальный. – Ты, поди, назад, к природе сейчас звать начнешь, чтобы только собирательство да натуральный обмен, шалашики да пещерки.

– А почему бы и нет? – с вызовом посмотрел на него Депрессивный. – Все честнее и экологичнее, чем вся эта химия в продуктах и огромные свалки около городов.

– Где все гниет, – печально, но охотно поддакнул Нигилист.

– Без химии, говоришь? – прищурился Маниакальный. – Без химии ты бы уже лежал в своем шалашике, созерцал всякие там бабочки-цветочки, которые тебя уже не радуют, и думал только о том, где взять веревку и мыло. Потому как антидепрессантов нет – неэкологично. А мыла тоже нет, поскольку мыловарни тоже неэкологичны, да и защитники животных не дадут Бобика на мыло извести. А веревки все сплошь натуральные, потому нескользкие, пока повесишься – обматерись.

– На самом деле, – вступил в беседу пациент с паранойей, отвлекшись от шахматной партии с самим собой, – наш депрессивный друг, говоря о человечестве, себя к нему подсознательно не относит. То есть выделяет в некий обособленный вид, который по определению плесенью быть не может. И начал он эту беседу лишь затем, чтобы вызвать у вас глубокое чувство вины. А когда вы все раскаетесь, он милостиво решит, кому жить, предварительно заплатив

хорошую виру, а кому убиться.

- И гнить в земле, - ввернул свои пять копеек Нигилист.

- Так что же это получается, он нами пытается манипулировать?! - гневно засопел Маниакальный.

- Природа любого коллектива такова, что заговоры просто обречены на самозарождение, - пожал плечами Параноик и вернулся к недоигранной партии.

- Ничего такого я не подразумевал! - вскинул ладони Депрессивный. - Пусть нас рассудит кто-нибудь независимый и незаинтересованный.

- Хорошо, - кивнул Маниакальный, подзывая проходившего мимо пациента с легкой дебильностью, - будет тебе не просто незаинтересованный - незамутненный! Слышь, Гоша, у нас тут спор возник, рассуди-ка нас. Некоторые (кивок на Нигилиста и Депрессивного) считают, что человечество - это плесень и опухоль, а я вот уверен, что человек - это звучит гордо. Что скажешь?

Гоша, с опаской поглядев на компанию, почесал в затылке.

- Человек... Он, конечно, плесень и опухоль... - и, быстро глянув на вставшего во весь рост Маниакального, скороговоркой добавил: - Но гордая плесень и умная опухоль!

Дебил? Макиавелли!

Так уж сложилось, что если дебиллом тебя называет человек, не имеющий медицинского образования, то, скорее всего, он ругается или озвучивает свое оценочное суждение. А вот если это говорит психиатр - велика вероятность, что

он уточняет глубину твоей умственной отсталости и ничего личного не подразумевает.

Гоша, знакомый вам по эпизоду с гордой плесенью и умной опухолью, как раз из тех, для кого «дебил» – не обзывалка, а клинический диагноз. Ну так вышло, что, когда мироздание раздавало интеллект, Гоша на что-то отвлекся. С тех пор он частый гость в нашем серьезном государственном учреждении. Причем уговаривать или тянуть его на прием за шиворот не надо: он ходит сам, с превеликим удовольствием. Более того, всякий раз просится в отделение: нравится ему там. Движуха какая-никакая, общение. Порядок, опять же. Не то что дома, где день тянется вяло, уныло, да еще под причитания матери о несбывшихся надеждах.

Где-то за месяц до Нового года Гоше все-таки удалось упросить докторов, чтобы те его снова госпитализировали. Не успела мама сходить за продуктами – а он уже в больничной пижамке веселой расцветочки, машет ей рукой из окошка отделения. Та пыталась его забрать обратно – мол, ты хотя бы в отпуск домой 31-го сходи, подарки получи. Нет, Гоша наотрез отказался. Мама – она ведь такая, как заберет из больнички, так обратно и не вернет. А Новый год в дурдоме куда как веселее проходит!

Но мама была упорна, дошла до заведующей отделением, и та заговорила о скорой выписке. И тут-то Гоша всерьез заволновался. Лафа заканчивается, и в перспективе маячат унылые стены, уборка, походы в магазин и мамины подружки с их понимающими охами-вздохами во время вечерних посиделок. Нравоучения, опять же.

Гоша всерьез задумался: как бы продлить свое пребывание в отделении? Просто подойти к заведующей и попросить не получится – есть уже опыт. Наговорит умных слов, запутает так, что и не поймешь, отчего так радовался при выписке. Нет, тут надо действовать тонко.

Мы все как-то уже привыкли считать, что дебил не способен просчитывать свои действия на несколько шагов вперед. А обо всяких многоходовочках в его исполнении и вовсе речи быть не может. Поэтому, когда накануне Нового года в отделении приключилась драка, на Гошу никто и не подумал. Да он в ней и не участвовал – стоял себе тихо в сторонке, наблюдая, как десять здоровых парней сосредоточенно чистят друг другу физиономии.

И лишь детальный разбор полетов выявил любопытные детали. Оказывается, Гоша беседовал с каждым из участников побоища. За день до самого события он обошел всех десятерых. Причем выбрал тех, кто покрепче да позадиристее. Каждого отводил в сторонку и говорил примерно так:

– Послушай, ты ведь мне как старший брат. Даже как отец. Я тебя так глубоко уважаю, что просто не могу молчать. Знаешь, что о тебе говорит вон тот (кивок на другого кандидата) хмырь? О-о, я даже пересказать боюсь – ты меня прибьешь за такие слова.

Потом шел и обрабатывал второго, третьего... в общем, у пацанов просто не было шанса на мирный исход событий. Никто ведь даже и мысли не допускал, что Гоша может соврать – откуда у недоумка фантазия для вранья? А уж догадаться, что он это специально подстроил... нет, это невозможно!

– А ты не боишься, что они тебя теперь поколотят? – спросила заведующая, докопавшись до истинных причин и вызвав Гошу в кабинет.

– А я скажу, что у меня были слуховые галлюцинации, – не моргнув глазом нашелся Гоша. – Вы только подтвердите им мои слова, ладно?

– Ну какие галлюцинации? У тебя же их не было никогда.

– Но они-то об этом не знают, – обезоруживающе улыбнулся Гоша. – А если и вы им скажете, так вообще все сразу поверят. Вам ведь не нужно, чтобы в отделении еще раз кого-то побили?

Доктор была просто восхищена: ну надо же, как все провернул! Поэтому, поговорив с Гошей еще немного об истинных причинах его нежелания возвращаться домой, пошла ему навстречу и оставила в отделении еще на некоторое время. А потом выписала – но не сразу, а через дневной стационар: все не целыми днями дома сидеть.

Так легенды и рождаются

Наше серьезное и уютное государственное учреждение поросло легендами и мифами, словно древний замок плющом. Причем эти самые легенды и мифы генерятся безо всяких усилий с нашей стороны – тут вполне хватает нервно возбужденной фантазии гостей, а уж то, что направит ее в нужное русло, непременно появится.

Наблюдал тут однажды этот процесс в стадии, так сказать, зарождения. Хотя, скорее, подкрепления: фабула-то уже накатанная. В общем, слушайте.

Начало февраля, внутренний дворик диспансера – вернее, одно из пространств между его крыльями, от души занесенное снегом. Ветер срывает горсти этого снега с сугробов, то закручивая их маленькими смерчками, то швыряя в лицо. Намечаются предрассветные сумерки, и в отделениях приоткрыты форточки: надо хоть как-то разогнать тяжелый дух и уменьшить ингаляционную дозу нейролептиков.

Из окон второго этажа напротив доносится истошное: «А-а-а-а-а!!! Убивают!!!» Сделав очередную затяжку, качаю головой: снова у Любаши обострение, теперь, пока не успокоится, женскому отделению будет весело. Любит она побродить с утра по беспокойной половине, поорать. Убивают ее уже лет десять... или пятнадцать? Голоса в голове. Так и говорят, не стесняясь: мол, убьем. А когда тебе то шепчут, то орут такое каждый день, днем и ночью, да еще и расписывают в подробностях, как это будет выглядеть, – тут любой почувствует себя некомфортно. Правда, жизнь Любашу ничему не учит, и через пару недель после выписки про то, что таблетки все же надо пить, она благополучно забывает: она же не больная, просто голоса были злые. Причем впечатление такое, что она ими даже гордится. Вот и сообщает каждое утро эту радостную весть всему отделению: это не соседи по дому и не родня, дальше дурдома уже не свезут.

Впрочем, этим утром был у нее еще один слушатель. Мужик, видимо, пришел на медкомиссию. Пораньше, чтобы побыстрее пройти. Ну а пока регистратура еще не открылась, решил перекурить на заднем крыльечке. И чуть не проглотил свою сигарету, когда услышал эти вопли. Нервно, затяжки в три, докурив, он бросил полный боли и гнева взгляд на окна женского отделения (оттуда снова поведали, что убивают), промолвил: «Изверги!» – и побрел в гардероб. Минутой позже и я отправился следом.

Около гардероба мужика ждало очередное потрясение. Дело в том, что наше ударенное оптимизацией высокое начальство вывело санитарочек из штата медработников. И теперь они не младший медицинский персонал, а уборщики помещений. А раз так, то и белые халаты им не положены. Зато закупили на какой-то из швейных фабрик обычные – из этих, знаете ли, веселой расцветочки и фасона «тетя Маня».

Одна из наших санитарочек в таком вот халате аккурат заканчивала мыть полы в коридоре перед гардеробом, когда из-за поворота появился взвинченный слушатель Любашиных воплей. Того аж передернуло от возмущения. Подойдя поближе к выжимающей тряпку санитарочке, он чуть не прослезился:

– Бедные! Вас тут не только зверски мучают, а еще и убираться заставляют!

Та чуть в ведро не села. На помощь ей пришла напарница, которая тут же, в гардеробе, правила большой кухонный тесак: затупился совсем, хлеб на завтрак толком не порежешь. Проверив остроту заточки пальцем, она подошла поближе – мужик взбледнул, отшатнувшись:

– Слушай, что люди говорят, Танюша! Пора отсюда валить, пока есть возможность!

Мужик часто-часто закивал, прошептал что-то вроде: «Там не заперто», – и бочком-бочком отступил в сторону собирающейся у регистратуры очереди. Я подмигнул санитарочкам: кажется, родился еще один миф, а два других получили железобетонное подтверждение.

Если все они улетят...

– Герасим! Герасим! Ты мне явно чего-то недоговариваешь!

Конспирология, всевозможные теории заговоров – очень заразная для некрепких мозгом штука. И великий соблазн к тому же. Ведь так просто можно все объяснить! Абсолютно все, начиная от глобального потепления, плавно переходя к всемирному экономическому кризису и заканчивая синдромом хронического дефицита средств на личной банковской карте. А главное – четко вырисовывается злобный портрет виновника всех бед. Хорошо, пусть портрет будет групповым, но взгляните в их отвратительные рожи!

Какой злой гений светится в глазах! Нет, это не рефлекс с внутренней поверхности затылочной кости, это адомо пламя. Ну в самом деле, обидно было бы обнаружить, что все эти опусы фалловерсусы в политике и экономике сделаны не со злым умыслом, а единственно по недомыслию. Это равно признанию того, что позволил командовать собою каким-то недоумкам. И виноватых в твоей личной финансовой трагедии и текущем гражданском статусе где-то в районе социального плитуса, кроме тебя самого, в общем-то, и нету. Да быть того не может! Это не я лох, это всё злые мальчишки отобрали! Тут и здоровый-то человек поддастся искушению поискать внешнего врага, что уж говорить о наших пациентах.

Олег Павлович (назовем его так) наблюдается в диспансере уже лет тридцать. Причем последние десять из них – именно наблюдается: не то чтобы его способность генерировать бредовые идеи себя исчерпала, просто ушла с годами та пассионарность, с каковой он за них боролся. Предыдущий лечащий врач считал, что это заслуга психофармакологии, Олег Павлович уверяет, что с годами обрел мудрость, я же не спешу его разочаровывать и переубеждать, но напоминаю, что надежда на антропоморфное воплощение законов мироздания не отменяет необходимости присматривать за сохранностью личного транспортного средства.

В этот раз он пришел четко в назначенный день и с порога анонсировал, что-де вы, доктор, хоть лечение пересматривайте, хоть пятибелочный отель предлагайте, но есть информация, которую просто необходимо до вас донести. Угадайте с трех раз, о чем – может быть, даже не разочаруете.

Зная *anamnesis morbi* Олега Павловича, я ответил, что речь, скорее всего, пойдет о правительстве. И его кознях против электората.

– Вы меня не разочаровали, доктор! – просиял он, присаживаясь и двигая стул поближе. – Просто на этот раз все намного серьезнее и глобальнее. Я вам сейчас расскажу, а вы уж решите, что со мной делать.

Прозрение Олега Павловича заключалось в том, что правительство – и не только наше, но и рулевые других стран (ну не всех, конечно, – к примеру, кто всерьез будет вести диалог с главным пиратом всея Сомали?) – планирует покинуть нашу планету. Поскольку экология уже ни к черту, потепление грозит ледниковым периодом и прочими катаклизмами, ресурсы на нуле, народ плодится почище тараканов, а устраивать атомную войну с целью качественной и количественной коррекции демографического состава – это же сколько придется ждать, пока радиация уляжется! Опять же, угроза смены полюсов и приветов из космоса никуда не делась. Вы вот улыбаетесь, доктор, и думаете: мол, да сколько уже их за последние годы анонсировали, тех апокалипсисов! А я вам раскрою глаза на правду чуть пошире: это просто бдительность усыпляли. Сами же в курсе, что есть в медицине метод деби... черт, десенсибилизации. Вот и здесь примерно то же самое: раздражитель в малых дозах, да почаще – и через пару десятков лет хоть обкричись про четверку на лошадях, народ подумает либо про скачки, либо про конную полицию.

Вы что, думаете – зря, что ли, Антарктиду сейчас так активно осваивают? Э нет, там строятся космодромы. Даже тоннель туда проложили – кажется, из Аргентины. Ну, если кто на корабль или самолет не успеет. Так что попомните мои слова, доктор, – в час «икс» вся наша элита соберет манатки и отчалит с планеты!

– Куда же? – спросил я. – Неужели на Марс?

Олег Павлович лишь отмахнулся: мол, Марс – это так, отвлекающий маневр. Ну да, пишут, что туда поселенцев набирают, но это исключительно для отвода глаз. Луна – вот настоящий пункт назначения! Вы вспомните, доктор, как ее осваивали. Ведь смешно сказать: ихние слетали, наши слетали – и все. И тишина. Свернута лунная программа. Ну это так, внешне. А на самом-то деле там уже давно строятся города. На обратной стороне Луны, которую не видно. Чтобы не смущать народ заранее. А помните, запускали проект по продаже лунных участков в собственность? Так вот, это тоже был отвлекающий маневр. Типа все знают про эту блажь, никто уже не обращает на нее внимания. Ну купишь ты себе там мифические соток шесть под лунную картошку за вполне, между прочим, реальные деньги – и что? На какой маршрутке добираться? А люди

знающие вложились серьезными деньгами и выкупили громадные территории. Вот так-то. Все вроде законно, прямо как с приватизацией в девяностые – а только все в пролете, кроме посвященных. Ф-фух. Ну вот, доктор, поделился с вами своей головной болью – и вроде как полегчало. А то, знаете ли, тяжело нести это знание одному. Класть в стационар будете? Или лечение усиливать?

Я спросил в ответ: а что, сам-то Олег Павлович нешто собирается с этой информацией созывать народ на баррикады? Нет? И письма гневные писать – мол, местечко мне забронируйте – тоже не будет? И бить бессовестные лица отъезжающим не пойдет? Ну и зачем тогда койко-место занимать? Вот ежели бессонница от этих мыслей, тревога какая или депрессия, тогда... снова нет? Ну тогда и смысла в дополнительных таблетках или уколах тоже нет. Вы лучше, Олег Палыч, вот о чем подумайте. Вот ежели они все улетят – может, нам, как тем эмигрантам с вечно грустными глазами в Шереметьевском аэропорте, имеет-таки смысл остаться?

Ночь в багровых тонах

История эта произошла в конце девяностых, в одном из сурово-уютных учреждений нашего профиля, затерявшемся на бескрайних просторах нашей же необъятной страны. Непосредственным ее свидетелем стал один из читателей моего блога, который любезно разрешил поделиться ею с вами.

Обычная ночь в обычном психиатрическом отделении. В целом ничего необычного, романтического, зловещего или эротического – ну если не брать в расчет чьи-то сны или галлюцинации. Но первые никто не транслирует в общий доступ, а со вторыми вроде как активно борется бесплатный (да-да, за счет заведения) галоперидол [10 - Галоперидол – препарат антипсихотического действия, применяется при шизофрении и других психических расстройствах, сопровождающихся галлюцинациями.] и прочий психофармакологический арсенал, поэтому, повторяюсь, все штатно.

Дежурное освещение в палатах без дверей, круглосуточный пост около наблюдательной (в простонародье – буйной), где привычно барагозят острые

пациенты, редкие шаги и негромкий разговор: кому-то среди ночи приспичило, и он интересуется у санитаря, нельзя ли совместить этот процесс с перекуром. Очередная порция крепкого чая с домашними бутербродами в комнате санитаров: до конца смены еще несколько часов и надо чем-то себя развлечь, поскольку доза ингаляционно поглощенных нейролептиков, выдыхаемых пациентами, плюс копящаяся усталость делают свое дело, а в глаза хоть спички вставляй, да еще и слезятся они от все тяжелеющего русского духа в замкнутом помещении.

Рутину той ночи грубо порушил громкий хлопок, почти взрыв, раздавшийся в одной из палат. Хлопок – и следом за ним крики, полные ужаса. Подорвавшейся к дверному проему дежурной смене открылась леденящая кровь картина, достойная если не «Оскара» за лучшую ленту в стиле зомби-апокалипсиса, то многомиллионных сборов в кинопрокате точно.

Кровати, стены, пол и даже местами потолок – все было в кровавых брызгах, лужах и потеках. По палате, натываясь друг на друга, на спинки кроватей, поскользываясь в кровавых лужах, метались щедро залитые той же субстанцией пациенты. Время от времени кто-то из них выхватывал взором возникшего на пути соседа – в таком же зомби-прикиде, тянущего руки в попытке то ли ухватить, то ли оттолкнуть, – громко вскрикивал и, отпрянув, встречался с другим зомби, мечущимся за спиной (а может, подкравшимся?), и хаос выходил на новый виток.

К чести дежурной смены, дрогнуть-то они в душе, может, и дрогнули. Но не побежали. Ни из отделения, ни за лопатами и вилами, что хранились в подсобке вместе с вениками и граблями. Нет, одна санитарка даже предположила дрожащим голосом – мол, пациент взорвался. И попыталась тихонечко сползти вниз по косяку. Но тут же была отловлена за ворот дюжим коллегой-санитаром, который строго молвил – мол, нечего было разрешать вторую порцию гороховой каши, и так, мол, под утро дышать в отделении нечем, а тут еще и потери среди личного состава непредвиденные, – и включилась в процесс отлова и пересчета зомби.

Через некоторое время, когда все были отловлены и посчитаны, выяснилось, что потерь-то как таковых и нету. Ну то есть людских. Все на месте, все живы, правда, угвазданы с ног до головы. Да и багрово-красная субстанция кровь напоминает лишь внешне, пусть и здорово. Зато пахнет... санитар принялся, матерно восхитился и, породив у коллег коллективный пароксизм тошнотных

спазмов, лизнул испачканный палец. – Бражка! – выдал он результат органолептического анализа. – Из томатного сока. От щас кто-то огребет!

В ходе экстренно проведенных следственных мероприятий выяснилось, что бражка действительно имела место. Как? Откуда? Все просто: ели-то пациенты в столовой, а вот соки и компоты им разрешалось брать с собой в палату. Вот и родилась коллективная и где-то даже национальная идея: а почему бы не забодяжить? Под это дело даже умыкнули где-то резиновую грелку. И натаскали томатного сока. Грелку пристроили на батарее, благо отопительный сезон уже начался, и стали ждать результата. И этой ночью дождались – правда, совсем не того, что был запланирован. Грелка, раздувшись от важности по поводу сакрального процесса внутри, попросту не выдержала и взорвалась.

Выслушав доклад дежурной смены, заведующий на некоторое время задумался, потирая переносицу. А потом вынес вердикт: зачинщиков на сульфозин [11 - Сульфозин – взвесь кристаллов серы в растительном масле; вводится в инъекциях с целью повышения температуры тела пациента: таким образом достигается перелом в затяжном тяжелом психотическом состоянии, когда нейрорептики малоэффективны. Это шоковый метод терапии, и в последние годы применяется редко и лишь по решению врачебной комиссии. Несмотря на бытующее заблуждение, метод с вооружения не снят.], и пусть хоть одна сволочь вякнет про карательную психиатрию – он делать балаган из отделения не позволит. А остальным прописать интенсивную трудотерапию – и в отделении, и на пленэре. А то, понимаешь, полы почему-то разительно отличаются от хозяйства у кота по своему блеску, да и опавшие листья на территории еще не все убраны. Что значит все? А на деревьях? Доктор сказал осень – значит, осень. Тут главное – святой армейский принцип: неважно, чем будет занят боец, главное – чтобы он в итоге почувствовал всю полноту посткоитальной астении. Иначе употребит излишек дурной энергии на всякие непотребства.

Кокос раздора

Если кто-то считает, что с момента поступления человека в наш психиатрический стационар и до долгожданного дня его выписки на свободу с ясным разумом его связь с... нет, не потусторонними или инопланетными сущностями, а с обычным, реальным, но дразняще расположившимся вне стен больницы внешним миром обрывается, – смею уверить, что это не так.

Напротив, многие пациенты, попав с обострением в больницу, начинают общаться по телефону – звонками ли, перепиской ли в соцсетях – заметно активнее, чем делали это дома. А еще начинаются визиты родных и друзей. Ну как же – человек небось томится без сигарет до опухания ушей, а гречневая каша хоть и зело пользительна, все же не заменит маленьких радостей жизни, каковые можно получить от принесенных шоколадок, печенек и шедевров домашней кулинарии.

А если, к примеру, друзья попались понимающие и чуткие к нуждам страждущего, так и вовсе можно втайне от санитаров получить бонус... нет, порулить Вселенной, конечно, все равно не получится, зато, кинув в окно прихваченную из лечебно-трудовых мастерских или сплетенную из больничного тряпья веревочку, станешь обладателем пакета с чем-нибудь столь же вожделенным, сколь и запретным. Вроде пачки чая и кипятильника с банкой, чтобы заваривать чифирь. А то и емкости с огненной водой и пачки неучтенных сигарет.

Когда Федор (назовем его так) на волне своей очередной мании попал в стационар, он знал твердо: друзья его не забудут. А забудут – так он напомним. И даже вишлист предоставит, чтобы не мучились неврозом выбора, собирая передачку. Нет, халявщиком он себя не считал, что вы. Просто открытый для предложений, с уверенностью глядящий в будущее и четко доносящий до окружающих свои чаяния человек.

Так что, отправив приятелю заказ на что-нибудь горячительное и экзотическое – в конце концов, он ведь не желудок на ножках и не алкоголик, а истинный ценитель прекрасного, – Федя стал терпеливо дожидаться визита. Ну то есть терпеливо настолько, насколько вообще может позволить маниакальное состояние: всего-то несколько километров по палате за несколько часов. В конце концов, стены и потолок остались интактны, за что санитары задолжали ему огромное человеческое спасибо.

Приятель объявился где-то на четвертый день, на пятидесятом километре внутрибольничного марафона. К тому моменту Федор уже переехал из наблюдательной палаты в другую, с менее суровым в плане пристального внимания санитаров режимом, потому трюк с подъемом пакета на веревочке прошел без накладок. Федя распаковал увесистый тючок, обернутый в несколько слоев газет... и кратко, но емко выразил всю глубину своей фрустрации, разочарования в людях, обиды на мироздание в целом и нечуткость близких в частности. В пакете, тщательно запеленутый в газетную бумагу, лежал приличных размеров кокосовый орех.

Нет, оно понятно, что экзотика. Оно понятно, что в чем-то даже эксклюзив, не для желудка на ножках, а для истинного ценителя прекрасного. Но как его вскрыть, не имея подручных средств? Шарахнуть о стену, на радость дежурной смене и к вящему огорчению задницы, нашедшей на свой верхнелатеральный квадрант пару кубиков аминазинового [12 - Аминазин – один из первых в истории психиатрии антипсихотиков, применяется для купирования возбуждения, бреда и галлюцинаций.] приключения? А главное – где спиртное?

Видимо, в цепочке дальнейших событий последнюю роль сыграл прокатившийся по стране футбольный чемпионат мира. Федя разочарованно выпустил кокос из рук, тут же вскочил, зажмурившись от боли в ушибленном большом пальце ноги, и рефлекторно, со всей силы, наподдал по нему другой, еще не ушибленной.

Кокос, пушечным ядром вылетевший через дверной проем палаты в коридор, был остановлен впалой грудью местного завсегдатая-параноика. Приняв передачу, тот пошатнулся, сполз по стенке, но все же нашел в себе силы катнуть снаряд ногой дальше, под ноги здоровенному детине, который попал в больницу не столько оттого, что с детства умел больше, чем знал, сколько потому, что умения эти применял исключительно в деструктивных целях. Перехватив передачу, тот радостно возопил что-то про Аршавина, который прорывается через центр поля, – и, поддев орех ногой, отправил его в длинный полет по коридору, над головами успевших пригнуться пациентов.

Голкипером, сыгравшим последний аккорд в этой комбинации, выступил как раз санитар. Прилетевший кокос был профессионально перехвачен ладонью, сравнимой по размерам с немаленьким почти спортивным снарядом. Услышав в ответ на свой простой вопрос, что орех ничей, и вообще приятного аппетита, санитар хмыкнул, подбросил орех пару раз на ладони, пожал плечами и

повернулся к выходу из отделения. Как оказалось, зря.

Федя, утерев выступившие от боли в столь неосмотрительно сделавшей пас ноге слезы, позвонил приятелю, чтобы попенять ему на... да на все. И услышал в ответ: мол, ты же просил спиртное и экзотику, чем же ты недоволен? Дескать, стараешься тут, сверлишь в кокосе дырку, льешь в нее, пуская скупую слезу, спирт – и где, спрашивается, благодарность, Федор Михалыч? Уронив телефон на койку, прихрамывая на обе ноги, Федор рванул из палаты.

Мечты санитаря о том, как он, меланхолично сплетая пальцы ног, будет раскачиваться где-нибудь на ветке... хорошо-хорошо, восседать на кушетке, лакомясь добычей, были грубо прерваны. Чьи-то руки вцепились в кокос, последовал рывок – и орех упал на пол. И треснул. Санитар, ошалеv от такой наглости, хотел было мягко попенять товарищу – мол, жадность до добра не доведет, а вот до наблюдательной палаты вполне способна, – как вдруг заметил, что на него не обращают внимания, а вместо того, подобрав орех с пола, жадно пьют льющееся из него... нет, не может быть! Молочко так спиртом в нос не шибает!

В общем, через несколько дней, когда приятель смог снова дозвониться до Федора, тот сообщил ему, что от экзотики в больнице один лишь вред. Уж очень много побочных эффектов. Мало того что пальцы ног ноют – так еще и пару дней потом из кровати встать не можешь и задница неделю словно резиновая. И тоже болит.

Ранний кислотоупорный говорящий уж

Все-таки терминология далеко не всегда в точности отражает смысл и грани того, что же, собственно, хотели этим самым термином описать. В итоге старается ученый муж, выписывает, к примеру, формулировку того же счастья, а дома теща доходчиво ему объясняет, что в абзаце не хватает домика на море для стариков, абонемента в салон шуб и золотой горчичной ложки для заслуженного семейного энцефалофага. А жена добавляет, что в характеристиках счастья не прописан тургор, и, вообще, это слово пишется с

двумя... э-э-э... шариками.

Так и с определением галлюцинаций. Ну вот что значит «представления, достигшие чувственной силы и яркости предметов и явлений»? Нет, так-то оно, в принципе, понятно, но где рельефность, где полнота? Естественно, сразу же находится товарищ, который уверяет, что уж с ним-то – да ни в жисть. Он твердо стоит, трезво смотрит, себе в зеркало не улыбается и вообще уж при его-то при уме способен понять, какой крокодильчик настоящий, а какой накуренный. И без толку объяснять, что для человека, у которого начались галлюцинации, они и есть теперь часть его собственной реальности. Как сказал один доктор, испытавший подобное явление на себе, – я понимаю, что в моем рабочем шкафу не может быть енота в каске и с повязкой на глазу. Неоткуда ему там взяться. Проблема лишь в том, что он там есть.

Поэтому история, произошедшая давно, став своего рода классикой, которую приводят в пример на одной из кафедр психиатрии, довольно показательна, и я вам сейчас ее поведаю.

Пациента к психиатру отправил врач другого профиля: то ли ЛОР, то ли терапевт – сейчас уже никто и не припомнит. А дело началось на даче, по весне. Приехал мужик перекопать участок, собрать мусор, оставшийся с зимы, – да и завис там на все майские праздники. Как водится, не без подогрева изнутри: погода-то в мае, сами понимаете, коварная, без сугреву да без протирки оптических осей работа не клеится. Употреблял, как уверяет, не зло: размеренно, с закуской. Вот закуска-то и подвела. Попало в нарубленный салат яйцо ужа. Как, почему – бог весть. Наверное, неистов был при перекопке, вот и поддел лопатой, а оно шварк – и в салатнице, что на веранде стояла. В обед салат был употреблен под водочку, и пикантного ингредиента мужик бы не заметил, если бы тщательнее пережевывал пищу. А так – ухнуло оно в пищевод целиком, пригрелось, и вывелся из него ужик.

И нет бы этому ужикуну пойти естественным перистальтическим путем и покинуть организм, как это делает вся прочая уважающая себя органика, что не успела перевариться. Нет, он решил задержаться. Мол, тепло тут, кормят, да еще и наливают время от времени. Вот и приноровился: порезвится в желудке – и наверх, в носоглотку ползет. Надо же еще с хозяином поболтать о том да о сем. Жизни его поучить. Благо на хозяйских-то харчах подрос и из мелкого червячка сомнения стал змеем мудрости.

Мужик, правда, такой прививки мудрости не оценил, и в рационе его появилось молоко: то в комплекте с селедкой или огурцами, для ускорения процесса и в надежде, что мудрость все-таки уйдет на очередной волне перистальтики, то в виде полного блюдечка, на которое тот подолгу медитировал с открытым ртом: а вдруг соблазнится и вылезет сам? Уж мудрости соблазняться упорно не желал, да еще и критиковать взялся обидно, и мужик отправился к доктору. Тот выслушал, поглядел везде, куда мог залезть или рентгеном просветить, после чего резюмировал:

- Ну вот что, гликозид вы мой сердешный. Дуйте-ка к психиатру, поскольку если кто и поможет в такой ситуации - так это только он. С вашей рептилоидной мудростью лишь ему под силу управиться.

Делать нечего, отправился уженосец в психдиспансер. И долго там препирался с доктором, доказывая, что никакой галлюцинации, да еще и на почве алкоголя, у него и в помине нет. Вот ужик мудрости, как объективная реальность, данная в ощущениях конкретно ему, - имеется, одна штука, а галлюцинаций - да в своем ли вы уме, доктор? Доктор предложил вместо традиционного маршрута сходить вместе простым логическим путем. Пошли. Откуда ужиное яйцо в мае, когда они их в июле-августе откладывают? Доктор, это был ранний уж. Хорошо, пусть ранний, но почему он в желудке не растворился? Доктор, это был кислотоупорный уж. Опять же, как знать: вдруг у меня кислотность пониженная. Ну предположим, что кислотоупорный, пусть его. Но почему он разговаривает? Ведь наукой доказано, что у ужей нет заточенного под эту цель голосового аппарата? Мужик с укORIZНОЙ поглядел на психиатра:

- Доктор, это мой уж. И у МОЕГО ужа голосовой аппарат есть.

Сошлись на том, что уж галоперидолу не помеха: в конце концов, он же мудрый, он поймет. А там и змей куда-то делся. Уполз, наверное, нести свою мудрость в массы.

Вы ей это скажите!

Справедливость постулата, гласящего, что не человек ищет профессию, а вовсе даже наоборот, нередко подвергается сомнениям и бьется, словно старшей картой той же масти, другим постулатом: мол, рыба ищет, где либо глубже, либо кислороднее, а человек – соответственно, где лучше или хлебнее. В принципе, тема вполне могла бы стать предметом очередного научного труда британских ученых, и они наверняка смогли бы что-нибудь этакое статистически достоверно доказать. Я же предположу, что хватает как подтверждений, так и опровержений, вот только опровержения выглядят не столь красиво и эпично.

Есть еще один интересный постулат, уже более частный: мол, психиатрами становятся люди изначально странные, а в психологи и психотерапевты подаются те, кто хочет научить ходить строем собственную церебральную инсектофауну. Про себя, выбравшего профессию психиатра, ничего не могу сказать: наверное, со стороны виднее, насколько странный я человек. А вот что касается дрессировщиков тараканов...

Учился с нами в интернатуре один парень. Высокий, корпулентный, напоминающий орла, склевавшего капсулу с амфетамином. В общем, уже тогда было видно – неординарная личность. Потом, годами позже, я ловил отголоски слухов и легенд, ходивших о нем, в том числе о гинекологическом кресле, гордо стоявшем в его психотерапевтическом кабинете. Ну кто его знает – может, человек придумал новую методику работы с пациентами – я не вдавался. В общем, увидев его на интернатуре, мы с одногруппниками не особо удивились. Человек целенаправленно шел к своей цели.

Дело в том, что еще за пять-шесть лет до интернатуры, на первом курсе, он прослыл глубоким знатоком трудов Фрейда. И эпатировал юных дев анализом их оговорок, случайных жестов и разоблачением приступов забывчивости. Сводилось все, сами понимаете, к одному: если девушка делает что-то не так, значит, она хочет, просто молчит. Юношей, особенно приближавшихся к его росто-весовым показателям, он старался не трогать: ведь и прилететь может. Опять же, толку-то юношей в краску вгонять, и так понятно, что хотят.

В общем, пришел он на кафедру психиатрии уже состоявшимся фрейдистом, готовым отлить статую Сигизмунда Шломовича в граните, на коне с большими... словом, конную композицию.

Шел цикл детской психиатрии. Вел его один из наших любимых профессоров, человек крайне интеллигентный и очень мягкий, умничка необычайный. Как он умел разговорить ребенка, даже совсем не горящего желанием пообщаться с незнакомым человеком, да еще и в больнице, – это просто сказка. В тот день мы присутствовали на беседе с довольно сложным мальчишкой лет семи. Тот все порывался вскочить, отвернуться от всех, залезть под стол, спрятаться за мамой или ущипнуть ее побольнее. Но ничего, удалось расспросить, выяснить все, что нужно, после чего маму с сыном попросили подождать профессора в коридоре.

Не успел преподаватель обвести нас взором и попросить высказаться, как с места вскочил юный фрейдовец.

– Тут все кристально ясно, профессор! – выпалил он, выпятив грудь.

– Поделитесь же вашей догадкой, коллега, – улыбнувшись, поглядел на него профессор поверх очков.

– Это... Это типичная пара комплексов, вот! У него комплекс Эдипа, у нее комплекс Федры! – Он обвел победным взглядом остальных интернов, пребывающих на разных стадиях нефритового остолбенения, и милостиво пояснил: – Он хочет ее, она хочет его, чего же тут непонятного-то? Достаточно обычной психоаналитической процедуры – и все в порядке.

Повисла звенящая тишина. Профессор снял очки, не спеша протер их кусочком замши, извлеченным из футляра, вернул на нос и, прищурившись, ласково поглядел на интерна.

– Вы уверены, коллега? – мягко спросил он.

– Да на сто процентов, профессор! – стукнул себя кулаком в грудь орел под амфетамином.

– Хорошо, – продолжая улыбаться, все так же мягко молвил профессор. – В таком случае давайте сейчас пригласим маму с сыном сюда, и вы лично им об этом скажете. Внятно и доступно. Заодно будем иметь удовольствие всей группой наблюдать столь ожидаемый вами эффект от психоанализа.

Орел сдулся, съежился, нахохлился и до конца занятия старался не сильно отсвечивать, поглядывая на всех насупленным сычом. Маме, к слову, так никто и не раскрыл глаза на тонкости их с сыном бессознательных взаимоотношений, зато профессор посвятил занятие описанию синдрома дефицита внимания с двигательной гиперактивностью.

Русские идут!

«А как там у них?» – возможно, спросит кто-то, прочитав истории о переживаниях наших пациентов и приключениях бравого экипажа барбухайки. Все-таки другие страны, другой менталитет, другие заботы. Да, другие, согласен. Но закономерности-то схожие. И если у нас фабулой бреда и наполнением галлюцинаторного контента нередко становятся всякие иностранные разведки, вражеские шпионы и китайские диверсанты – почему бы народу за границей не бредить суровыми русскими, которые позавтракали водкой, зарядили балалайки, оседлали медведей – и идут?

История эта приключилась в одном из швейцарских кантонов. К психиатру на прием, в сопровождении одного из своих подчиненных, пришел начальник солидной фирмы. И пожаловался на бессонницу. Упорную, выматывающую, с тревогой, даже страхом.

– Как я вас понимаю, – покивал доктор. – Информационная нагрузка, постоянное напряжение, огромная ответственность – как тут не развиться депрессии?

– Да-да, натюрлих, – согласился мужчина. – Про ответственность вы совершенно точно сказали. На мне лежит просто огромная, страшная ответственность, и признаюсь вам честно – она меня убивает. Я просто не знаю, что делать.

– Может быть, просто отдохнуть? Взять горные лыжи и устроить себе небольшой отпуск где-нибудь в Саас-Фэ. Или отправиться на Риги – у них там есть одно местечко прямо на горе, с термальными источниками...

– Нет, доктор, – грустно покачал головой посетитель. – И рад бы, но как раз сейчас, когда от меня зависит благополучие страны – да что там, ее безопасность! – я просто не имею права вот так вот взять и куда-то уехать.

– А что произошло, если не секрет? – Взгляд доктора тут же стал профессионально цепким.

Посетитель задумался, что-то решая, вздохнул и стал рассказывать. Оказывается, на днях – точнее, ночью, – ему позвонил герр Путин. Путин, вы можете себе представить? И сообщил, что намерен всесторонне развивать российский туризм в швейцарском направлении. Особенно пеший, в районе Сен-Готард и Тойфельбрюкке. Поэтому не мог бы господин директор в кратчайшие сроки разработать систему безопасности для российских корпоративных путешественников? Тестовая группа во главе с Шойгу ожидается уже первого января. Сами понимаете, доктор, какой уж тут сон.

– Это не первый случай у нас на работе, – печально пожаловался доктору пожилой сотрудник фирмы, когда за ее директором закрылась дверь. – И даже происходит все по схожему сценарию.

– В самом деле? – спросил доктор.

Оказалось, что предыдущий директор фирмы был человеком более решительным и боевым. Видимо, гены целого ряда поколений швейцарских наемников дали о себе знать. Он заявился на лодочную станцию со своей винтовкой и потребовал от ее персонала срочной мобилизации. Враг не дремлет, родина в опасности и вообще – где ваши яйца? Что за нах... энтшульдиген зи битте... враг? Так Сталин же проснулся! Так что всем срочно сбегать по домам, вооружиться, вернуться в расположение станции и ждать дальнейших указаний. Персонал индуцироваться не пожелал и тихой сапой вызвал полицию...

– Место проклятое... – вырвалось у доктора невольно.

– Совершенно с вами согласен, господин доктор, – охотно закивал сотрудник. – Потому я и не согласился на карьерный рост. Мне как-то в нынешней должности спокойнее...

На почерке спалился

Как уверяют – и не без оснований – графологи, по почерку можно узнать о человеке такое, чего он о себе и сам порой не ведает. Говорят, целое поле непаханое открывается на белых листах, усеянных нашими каракулями. Впрочем, даже не будучи специалистом в этой области, можно кое-какие выводы делать. Наш друг и коллега Владислав Юрьевич сейчас плотно обосновался на медкомиссии: стаж его работы в психиатрии позволяет делать определенные выводы. Даже навскидку. Даже за те мгновения, что отведены на знакомство с человеком. Впрочем, особо он не лютует, по мелочам не придирается и на дополнительное исследование отправляет лишь действительно достойных и отличившихся. Ну а казусы всякие – да как же без них, при столь плотном-то потоке!

Вот и очередной посетитель, который проходил комиссию, чтобы устроиться продавцом в один из городских гипермаркетов, никаких особых нареканий и подозрений у доктора не вызвал. До тех пор, пока по просьбе доктора не черкнул несколько строк обязательной для медкомиссии расписки – мол, не состоял, не привлекался, не замечен и все такое прочее.

Взяв в руки лист бумаги, Владислав Юрьевич споткнулся глазом на втором или третьем слове и пристально глянул на посетителя.

– Вам, уважаемый, с таким-то почерком надо было не в продавцы идти, а в доктора. Ничего разобрать не могу! – попенял он мужчине.

– А я и есть доктор, – пожал плечами тот. – Точнее, был. Дерматологом работал. Как раз неподалеку от того места, куда сейчас продавцом устраиваюсь.

– Отчего же вдруг такая глобальная смена статуса? – полюбопытствовал Владислав Юрьевич.

– Сравнил, сколько платят доктору и сколько предлагают продавцу, – раскрыл тайну бывший дерматолог. – И понял, что разницы в зарплате будет вполне достаточно, чтобы подсластить горечь сожаления о годах учебы.

– Надеюсь, что на новом месте вам не придется много писать. – Владислав Юрьевич еще раз попробовал расшифровать кардиограмму, нарисованную дерматологом, и обнаружил на ней признаки инфаркта, аритмии и блокады левой ножки пучка Гиса.

– Я тоже, – признался бывший доктор. – Отрабатывать каллиграфию для меня все равно что заново учиться письму.

– А сколько обещают платить, если не секрет? – решил все же полюбопытствовать Владислав Юрьевич.

Бывший доктор озвучил. Попрощавшись с ним, Владислав Юрьевич весь остаток рабочего дня провел в задумчивости. И до самого вечера пытался найти рифму к строке «Все равно ее не брошу...».

Пакеты, соль и дядя из Канады

Многие из тех, кто хоть раз в жизни испытал на себе, что такое маниакальное состояние, признавались, что были бы не прочь еще разок в нем побывать. Вот если бы только еще с умом применить тот гейзер сил и настроения, что просыпается в этот период, – цены бы ему не было. А то ведь даже обычный поход в магазин может таким приключением обернуться, что... впрочем, судите сами.

Борис вполне мог бы назвать себя бывалым человеком в том, что касается мании. Мол, плавали, знаем. Правда, фарватер всякий раз новый, да и доктора с торпедами в шхерах засели, но впечатления незабываемые. Если бы еще без последствий, особенно финансовых. А то вот так приспичит в очередной раз

какое-нибудь предприятие по рытью частного метрополитена организовать, а потом мучительно размышляешь, что за тварь из inferнального легиона на этот раз за ногу дергала. Ей-то что: пшик – и ушла в свои нижние миры, как только терапия начинается. А деньги отдавать ему одному. Нет, больше никаких кредитов.

Тем не менее, когда энергия очередного маниакального эпизода снова попросилась на выход, Боря вернулся к теме презренного металла и столь же малоуважаемой бумаги с водяными знаками. Иначе ведь порвет изнутри. А тратить ее бесцельно на какие-нибудь там гантели-штанги в тренажерном зале – вот уж увольте. Да и дачный сезон уже позади, лопатой негде помахать. Опять же, физический труд, даже целенаправленный, работы мысли не отменяет. А в голове уже начинают крутиться идеи, да на таких скоростях, что большой адронный коллайдер и близко не кочегарил. Но, учитывая горький опыт прежних лет, Борис решил, что на этот раз стартовым капиталом будет скромное пособие по инвалидности. В конце концов, вопрос можно решить за счет оборота. Есть тут одна идея...

В супермаркете, что в паре минут ходьбы от дома, к любой, даже самой левой из покупок, давали пакет. Скажете, мелочь? Ха! Пакетик-то, на минуточку, такой, за который в других магазинах пять рублей вынь да положи. А тут – бесплатно. То есть если купить, к примеру, пачку соли за три рубля, то в итоге еще и в плюсе окажешься. Слабым звеном оставался этап продажи самих пакетов, но энергия настойчиво требовала выхода, нашептывая, что борьба за рынки сбыта подождет, а сейчас главное – это накопление ресурса, пока конкуренты не спохватились. Важно не забывать простую арифметику: один рейс – одна пачка соли – один пакет, иначе рентабельность затеи резко упадет.

На восьмом или девятом рейсе продавцы на кассах заулыбались – надо же, какой активный молодой человек. Ничего-ничего, подумал Боря. Деньги должны работать. А что при этом ножками приходится много ходить – так это даже на пользу. К тому же, если вспомнить про одного американского миллионера, который начал с того, что купил два яблока на десять центов, отмыл и продал их уже по десять центов каждое, – есть ощущение, что процесс движется в верном направлении. Там, правда, фигурировал дядя, который умер и оставил миллионное наследство, но это уже мелочи. Хотя... Мама ведь упоминала, что ее двоюродный брат уехал в Канаду и вроде как неплохо устроился – во всяком случае, время от времени пишет ей в скайпе и хвастается, да еще пеняет: мол, а чего добилась ты? Нет, вектор приложения сил выбран правильно, никаких

сомнений.

Рейсе этак на пятнадцатом Бориса перехватил патруль пенсионеров, бдительно отслеживающих возмутителей спокойствия и нарушителей общественного порядка со своей лавочки возле подъезда (и ведь как не мерзнут-то – осень ведь на дворе?), и ласково так поинтересовался – и что же это он, милочка, так усердно все в дом таскает? А то у них от его мельтешения уже легкое головокружение и тяжелый приступ любопытства. Так что в пакете-то? А ну как гексоген? Проблем с правоохранительными органами Боря не хотел, потому честно признался: мол, соль, бабушки. Стратегический продукт, можно сказать. Даже предъявил пакет к осмотру. Пусть себе глядят, главное – отвлечь внимание от самого пакета.

Шел уже двадцатый рейс, а дядя из Канады все никак не помирал. Зато в магазине заметно прибавилось народу. Реакция бабулек на фразу «стратегический продукт» оказалась бурной, хотя и вполне предсказуемой – видимо, слишком близко в цепочке ассоциаций этих закаленных годами холодной войны людей был припаркован стратегический бомбардировщик. А раз бомбардировщик – значит, война. А раз война – значит, пора делать запасы. Вон, малой-то неспроста соль в клювике потащил. Вот и им своими щелкать нечего, а то придется потом последний хрен без этой самой соли доедать.

Ближе к тридцатому рейсу, помогая очередной пожилой соседке донести до лифта тяжелые сумки (десять килограммов соли, десять упаковок по десять коробков спичек, десятикилограммовый мешок муки и два пакета макарон по пять кило каждый), Боря решил: еще две-три ходки – и на сегодня хватит.

Следующий заход оказался пустым: соль в магазине попросту закончилась, даже морская и адыгейская, и продавец, молодой парнишка, недобро улыбаясь, процедил, что очередной завоз ожидается не раньше конца недели. Спички, кстати, тоже кончились. Издав тяжелый коллективный вздох, вереница бабушек потянулась в соседние магазины, а Боря поспешил домой: сетка прицела в глазах продавцов проступала столь явственно, что у него начали возникать опасения за целостность кожных покровов и сохранность зубной формулы.

Дома, уже поздно вечером, Боря осторожно поинтересовался у мамы здоровьем дяди из Канады. Мама, всплеснув руками, умилилась: надо же, какое чадо заботливое! И села вызванивать родственника по скайпу. Тот, несмотря на их канадское утреннее время, оказался дома: дескать, что-то в спину вступило, пришлось вот отлеживаться. Проводив сына, удаляющегося на цыпочках в свою

комнату, мама вернулась было к разговору, но спустя пару минут вздрогнула и была вынуждена прерваться. Из-за закрытой двери доносился смех, звук прыжков и вопли: «Да! Да! Йес-с! Все-таки сработало!!!» Покачав головой, мама вздохнула: опять дурит. Значит, завтра придется вести его за ручку на прием.

Соль, кстати, пригодилась: после выписки из стационара мама взялась квасить капусту и похвалила сына, который так предусмотрительно сделал запас. А то, говорят, в ближайшем магазине целый месяц с нею были перебои...

Охота на кукушку

Многие из вас, наверное, догадываются, каких усилий и смекалки порою стоит уговорить остро восскорбевшего главою пациента на то, чтобы он воспользовался нашей акцией «ляг в отделение и получи скидку на коммунальные услуги». И, возможно, вы не поверите, но иногда меньшие усилия и смекалку приходится применить для того, чтобы отправить человека после курса лечения домой. И я не о том, что ему тут вдруг страшно понравилось – хотя бывают и такие, и речь о подобных случаях еще впереди. Я... впрочем, судите сами. История давнишняя, но показательная.

Игоря в отделении не знали разве что новички из числа больных. Сколько лет, сколько зим, сколько госпитализаций. Дошло до того, что заведующий стал оставлять под стеклом на столе в приемном покое записки с частоклолом восклицательных знаков и горкой ятей, угадывающихся между ними: Игоря оформлять в отделение только в его присутствии (ять, ять, ять!).

А то взяла, понимаешь, его родительница моду – спихнуть тихой сапой сыночку в стационар да и забыть его там на очередные три, а то и четыре месяца. И ведь не выпишешь без нее: сын-то недееспособный, ключей она ему, понятное дело, никогда с собой не оставляет, не на дом же его после выписки привозить. Нет, один раз так и сделали – договорились с гвардейским экипажем барбухайки,

дождались позднего вечера да и отправились на большой машине с мощным мотором в гости. Услышав за дверь «Мама, это я!», родительница так растерялась, что открыла – и получила сына на руки, с горячим пожеланием больше его в дурдоме не забывать. Ну понятно, что имбецил. И, да, мы все в курсе, что бывает порой ретив. Но свою задачу – сделать вновь тихим и ласковым – мы выполнили. Что же касается ума – извините, процедуру переливания серого вещества все никак не освоим, так что с этим разве что к Гудвину, Великому и Ужасному. Отчего же в интернат не оформляете, коли так трудно справляться? Ах, пенсия у него хорошая... А нам-то оно за что?

Впрочем, трюк с доставкой до дверей удался лишь единожды: с тех пор, сдавая сына в отделение (и всякий раз, ловя для того момент, когда заведующий уже отработал и не на дежурстве), она уходила в глубокое подполье, вроде как удачно совмещаемое с запоем (если верить соседям, утверждающим, что в этом деле она не то что любитель – профессионал). Домофон отключила, трубку не брала, светомаскировку вечерами строго соблюдала. Поэтому, узнав на очередной утренней пятиминутке, что Игоря, несмотря на все записки, снова умудрились положить в отделение без его ведома, заведующий открыл было рот... Но несколько секунд спустя, подвергнув жесткой цензуре все, что просилось на язык, и обнаружив, что в заготовленной тираде даже знаки препинания выглядят обценно, лишь вздохнул. И твердо вознамерился накатить граммов этак сто пятьдесят коньяка. Потом, после смены. Но непременно.

Через пару месяцев, когда стало ясно, что мама Игоря и не думает за ним являться, а оперативно-разыскные мероприятия с привлечением участкового полицейского, соседей и соцслужбы откровенно забуксовали, заведующий вдруг получил благую весть от запыхавшейся от бега санитарки: Кукушка (так прозвал персонал родительницу их постояльца) приближается к отделению. Правда, не со стороны кабинета заведующего, а с той, где принимают передачи. Видать, сработало очередное грозное послание департамента соцзащиты, в котором намекалось о невыполнении опекуном взятых на себя обязательств. Не иначе решила вновь подкинуть сыну передатку и быстро ретироваться. А что, вот она, забота, вот они, чеки, – что еще надо?

– Вы не представляете, каким рижским бальзамом на мои душевные раны пролился ваш визит. – Взяв Кукушку под локоток, заведующий увлек ее в сторону своего кабинета. Поставшая медсестра, правильно расшифровав начальственную игру бровями, метнулась распорядиться, чтобы Игоря

переодели к выписке.

– Да я, собственно, на пару минуток к вам, – пролепетала Кукушка, наострившая ушки при словах «рижский бальзам». – Меня такси ждет...

– Вы снова раните меня. – Доктор накрыл ладонью печень, потом желудок, но быстро исправился и нашел пятое межреберье с левой стороны. – В самое сердце. Отпускайте ваш экипаж, я на правах радушного хозяина просто обязан пригласить вас на чашку коньяка. – Еще один судорожный глоток Кукушки. – То есть рюмку кофе. Черт, совсем запутался. Бальзам, кстати, тоже есть.

– Рижский? – на автопилоте спросила Кукушка и, ойкнув, прижала ладонь ко рту.

– Ну не вьетнамский же, – успокоил ее заведующий, открывая дверь кабинета. – Сейчас все сооружу, и побеседуем.

Премедикация (столовая ложка бальзама на чашку кофе) несколько смягчила шок от новости о выписке сына, но сакраментальные фразы все же прозвучали. Мол, а как же «светя другим, сгораю сам»? И что там еще было насчет положить на алтарь?.. Налив вторую чашку (в той же пропорции), доктор развел руками – мол, уже, уже. В смысле, сгорел. То есть выгорел, и пепел этого выгорания много лет стучит в мое сердце. Что же насчет алтаря, то клал, и не раз, но всякий раз вызывал этим нездоровый ажиотаж и появление толпы с ножами и вилками, так что приходилось срочно прятать обратно. И вообще – поимели честь, так поимейте, наконец, и совесть – сколько можно родного сына домой не пускать, он же извелся весь. Еще чашечку?

Где-то на пятой или шестой чашке в кабинет заглянула медсестра: мол, пациент готов к отправке. Доктор, извинившись, попросил Кукушку подождать в кабинете, пока он договорится со спецбригадой насчет барбухайки (так вернее до дома доставят, Тимур обещал все сделать в лучшем виде), и, выйдя за дверь, шепотом наказал сестре покараулить: не ровен час сбежит. Нет, не сбежала. И даже ни единым словом более не упрекнула доктора ни в чем. Сгребла сына в охапку, погрузилась с ним в машину – и до свиданья.

– Ну и клиентов вы мне, доктор, всучили, – мягко попенял Тимур, вернувшись из рейса.

– Неужто Кукушка претензии предъявляла? – удивился заведующий. – Вроде тихо-мирно расстались.

– А поить было зачем? – укоризненно спросил Тимур.

– Да что там было пить? – пожал плечами доктор. – Пятьдесят граммов от силы суммарно набиралось.

– Не знаю насчет пятидесяти граммов, – фыркнул Тимур, – но песни петь пришлось.

– Не может быть! – не поверил доктор.

– А вы у водителя спросите, – предложил Тимур. – Или у ее соседей по подъезду. Особенно бабушек. Этот въезд во двор под хоровое «Хазбулат удалой» они нескоро забудут.

– Но с чего? – пораженно спросил было доктор, но, скользнув взглядом по полке, осекся. Подошел, взял бутылку из-под рижского бальзама, открыл, осторожно наклонил над чашкой, потом и вовсе перевернул, уронив одинокую каплю. – Надо же. А полная была. И ведь на пять минут всего отошел.

– А, ну с бутылки рижского и я бы спел в охотку, – понимающе улыбнулся Тимур. – Да только не налили, пришлось на сухую подпевать.

– Зато теперь точно знаем, на что она его пенсию тратит. – Доктор потер подбородок. – И если Кукушка снова нам подарочек подбросит, можно смело писать телегу в соцзащиту. Пусть или другого опекуна ищут, или в интернат оформляют – всяко лучше окажется, чем под ее пьяным крылышком. Ах да, Тимур, вот коньяк. За моральный ущерб. Да что ты, это тебе спасибо.

Оставшись один, доктор сел писать эпикриз к истории болезни, и из-за приоткрытой двери зазвучало негромкое: «Хазбулат удалой! Бедна сакля твоя; золотую казной я осыплю тебя»...

О галлюцинациях и двойных стандартах

Цифры официальной статистики, как бы это выразиться помягче... не всегда отражают реальное положение дел. Общее представление – да, дают. Порою, правда, уж очень общее, вроде средней температуры по больнице или годовых доходов депутатов и политиков. Примерно так же обстоят дела и с цифрами в психиатрии: сколько заболело, сколько обратилось... заболеть-то оно, может, и заболело, а вот насчет того, чтобы обратилось, – тут возможны варианты.

Коллега тут однажды смотрела пациентку, которую привел на прием супруг – мол, пора бы вам, товарищи психиатры, обратить внимание, выказать почтение, назначить лечение... Да, согласилась доктор, давно бы уже пора. Галлюцинации-то у уважаемой Тамары Борисовны, как вы сами говорите, уже года три или четыре, а вы ее только сейчас показать изволили. Что же так долго тянули кота за то, что ветеринар обычно ампутирует?

Да как-то оно не сильно-то и мешало, пожал плечами супруг. Ну, стала она мне жаловаться – дескать, ночами в квартире кровища хлещет, люди какие-то приходят, друг дружку режут, рубят, пилят, по квартире потом расчлененка валяется – где голова, где руки-ноги, где печенка...

– В холодильнике, – подсказала дама.

– Что? – не понял супруг.

– В холодильнике, говорю, печенка, – пояснила она. – Головы обычно на подоконнике, руки в шкафу, ноги в прихожей, возле обувной тумбы. А печенка – в холодильнике. Сердца тоже.

Ну вот, продолжал он свой рассказ, стала она мне про это рассказывать. Ну, думаю, с кем не бывает, чего только ночью не привидится.

– Так днем же остается, – снова включилась в беседу дама. – Тебе-то, может быть, оно и ладно, так ведь мне же убирать.

– Зато в квартире всегда идеальный порядок, – парировал супруг.

– После уборки-то конечно, – развела руками дама. – Головы на подоконнике в ряд, ручки-ножки в шкафах по полочкам. А пока полы от кровищи отмоешь...

– Вот я и говорю – идеально чисто, – быстренько свернул тему супруг.

– Нет, я поняла уже, что у вас там своеобразная идиллия и пастораль с колбасным цехом посреди пейзажа, – вклинилась в беседу доктор. – Но если все было так хорошо, отчего надумали обратиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Понимаете, друг мой? (Фр.)

2

Циклодол – препарат, применяющийся для лечения паркинсонизма и коррекции побочных эффектов нейролептиков. При превышении дозы и злоупотреблении вызывает эйфорический и галлюциногенный эффект.

3

Карбонат лития – препарат, оказывающий седативное и антиманиакальное действие.

4

Он же двууголка, шляпа Наполеона.

5

Винпоцетин – корректор нарушений мозгового кровообращения.

6

История болезни (лат.).

7

Фуга, в медицинском понимании – это особый вид расстройства сознания, когда под воздействием мощного травмирующего фактора человек бежит, уезжает – в общем, покидает привычное место обитания – и там, где он наконец прекращает свое бегство, он словно начинает жизнь с чистого листа, полностью или частично забывая, кто он, откуда и что с ним когда-то происходило.

8

Кверулянтство – непреодолимая тяга к сутяжничеству.

9

Бризантность – мера способности взрывчатого вещества к местному дробящему воздействию на среду, в которой происходит взрыв.

10

Галоперидол – препарат антипсихотического действия, применяется при шизофрении и других психических расстройствах, сопровождающихся галлюцинациями.

11

Сульфозин – взвесь кристаллов серы в растительном масле; вводится в инъекциях с целью повышения температуры тела пациента: таким образом достигается перелом в затяжном тяжелом психотическом состоянии, когда нейролептики малоэффективны. Это шоковый метод терапии, и в последние годы применяется редко и лишь по решению врачебной комиссии. Несмотря на бытующее заблуждение, метод с вооружения не снят.

12

Аминазин – один из первых в истории психиатрии антипсихотиков, применяется для купирования возбуждения, бреда и галлюцинаций.

Купить: https://tellnovel.me/malyavin_maksim/palata-na-solnechnoy-storone-novye-bayki-dobryh-psihiatrov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)